

Антонина КАРИМОВА

г. Павловск, Ленинградская область

ДЕВОЧКА

БЫЛА

ОПЛАТА ЗА ТРУД

Вскоре, приехав в понедельник с работы, Володя говорит:

— Сруб сестры, поставленный во дворе, пропал в выходной.

— Продали, что ли? — спрашиваю.

— Нет, просто за ночь исчез бесследно, и никто якобы не видел.

— Да как же может исчезнуть сруб? Это же не

мелочь какая. Это же нужно организовать: машину, погрузку. А сторожа что говорят?

— Будто бы никто ничего не видел, отворачивают от меня глаза. Бухгалтер меня избегает. Я думаю, что начальник себе его и взял на дачу, ему он нравился.

— А где его дача?

— Не знаю, где-то в Шапках.

— Как же теперь быть? Сруб же больших денег стоит. Что же ты скажешь сестре?

— Не знаю, — говорит упавшим голосом.

Через неделю сообщает, что знакомый купил новый автомобиль «Форд», собирается покупать квартиру вышедшей замуж дочери.

— А на какие деньги? — спрашиваю.

— На сэкономленные при строительстве. Он же отчитался перед заказчиками другими цифрами, не фактическими.

ЖИЛА-

— Ничего себе, — качаю головой.

— Он предлагал: давай пополам. Я отказался, говорю: заплати мне столько, сколько заработал, строя эту заправку.

— И что он тебе на это? — спрашиваю.

— А он: для таких, как ты, нет ниши в этой жизни. Не вписываешься в нее.

— Так уходи от него.

— Не отпустит. Говорит: ты опасен, слишком много знаешь.

На следующий день уезжает на заправку, а вечером возвращается почерневший.

— Рассказывай, — прошу. — Что стряслось?

— Ну что, я им сказал: ребята, я пришел к вам с пустыми руками и ухожу с пустыми. Давайте мою трудовую книжку и прощайте.

Но они не отпускают.

— Да как же так?! — возмущаюсь. — Украли сруб, не платят что заработал и не отпускают?! Завтра я тебя никуда не пушу. Всё. Больше не ходи туда.

— Нельзя не ходить.

Эта попытка продолжалась в течение месяца. С каждым днем Володя мрачнел и не находил выхода из усугубляющейся ситуации.

Однажды сообщает:

— На меня повесили за прошлый месяц недочету по запчастям на десять тысяч рублей. У бухгалтера, которому я отчитался, вырван из дела отчетный документ и куда-то пропал. А теперь появился новый бухгалтер, а прежняя уволена. И я оказался теперь должником.

Что делать? Да, я понимала мотивы поведения начальника, этого трусливого ублюдка. Он боялся за свою шкуру, боялся, что Володя продаст его заказчикам, а вы сами понимаете, кто стоит под именем «заказчики». Такие ребята вряд ли простят, что кто-то наварился на них. Желая освободиться от обеих сторон, ни с кем не связываться, Володя оказался между двух жерновов и поплатился. Не такой он человек, чтобы доносить, ему и в голову бы не пришло совершить такой поступок даже в целях самозащиты. Мне ли не знать его, дурака!

ОТВОРЯЙ ВОРОТА...

А через неделю ему разбивают голову. Вечером, на остановке, рядом с местом работы,

то бишь с заправкой. Ночь он лежал без сознания. А утром, придя в себя, добрался до дома.

— Что от тебя хотели? — спрашиваю.

— Спросили деньги, ударили чем-то тяжелым по затылку, а дальше не помню.

Гляжу: в нижней челюсти два отверстия, пробитые его же нижними зубными клыками, когда били по челюсти...

Схватив какой-то электрошнур, кинулся в ванную вешаться:

— Тоня, меня все равно уберут, я не жилец. Я опасен для семьи. Мать мою тоже ведь они убрали. И в машину тогда они въехали. Всё равно достанут.

Увидев его обезумевшие от страха глаза, с ужасом догадываюсь, что у него едет крыша. Успокаиваю его, заставляю помыться, лихорадочно соображая, что делать. Чувствую, что все трагичные события жизни он соединил в одну цепочку и ум его заклинило. Был выходной. Всю ночь он не спал, прикладывая ухо и прислушиваясь к розеткам. Не включая света, рвал в темноте какие-то бумажки, смотрю — это его честно записанные фактические расходы по строительству: во сколько обошелся песок, щебень...

Утром повела его в психдиспансер.

Его увозят в больницу имени Кащенко с диагнозом: маниакальный депрессивный психоз.

На другой день начальник звонит:

— Где Володя?

— А вы не догадываетесь где? В психиатрической больнице. Вы же этого, наверное, добивались? Видите, как все славненько получилось!

В четверг приехала в больницу. Главврач сообщает, что к Володе накануне приезжал брат, но врач не разрешил свидание.

Я опешила:

— У него нет здесь никаких братьев, ни двоюродных, ни троюродных...

— Приезжавший назвался родным братом.

— Да нет же, доктор, у него только одна сестра.

— Значит, я правильно сделал, что не пустил?

— Конечно же! Господи, не пускайте к нему никого!

По описанию все совпадает: лицо, цвет волос, глаз, рост..

— Пожалуй, из-за этого «брата» он и угодил в вашу больницу. Прошу вас, никого не пускайте к

нему, кроме меня. Нет у него здесь никаких родных. А сестра в Новгороде. Скорей всего, это и есть его начальник, доведший его до такого состояния.

Спрашиваю врача:

— Имеют ли они право не увольнять и не отдавать трудовую книжку человеку?

— Нет. Вот вам справка. Вот написанное Володи заявление на увольнение. И скажите, что подадите в суд, если будут препятствовать.

Воинствующая, с бушующим внутри негодованием, еду на заправку.

Захожу в кабинет с серо-зеленоватыми стенами и вижу в кресле «знакового» с таким же, как стены, гнойного цвета лицом. Кладу справки. Взглянув на заявление, говорит:

— Это не его почерк.

— Что, за неделю в психушке почерк сильно изменился?

Выдает мне из сейфа трудовую.

— Он что, еще и должен вам что-то? — спрашиваю.

— Нет, он ничего не должен.

— Ах, вот как! Он теперь даже ничего не должен?!

Меня трясет. Будь в руках автомат — нажала бы, не раздумывая, на гашетку. О, какое жгучее желание — выпустить гной из этого человека наружу!

И понимаю: только животный страх мог подвигнуть его растоптать другого человека — бескорыстного, честного, не вписывающегося в рамки ублюдочного мира.

Все, что кипело во мне, я вложила в тот удар, хлопнув дверью. Я с такой силой сделала это, что почувствовала, как все стены конторы сотряслись, а из соседней комнатки выскочила в страхе бухгалтер.

ЗА ЧТО?

По дороге домой в автобусе веду мысленный диалог с собой.

«За что?» — спрашиваю неизвестно кого.

«За то, что дурак. Вошел бы в стовор с этим подлецом, вместе поделили бы сэкономленные деньги и не было бы трагедии».

«Но моя душа противится этому! Господи, да есть ли ты на самом деле, если допускаешь такую

несправедливость? В чем грех его? За что пострадал? Разве он виноват, что не возьмет чужого?»

И сама же отвечаю:

«В том, что связался с этим подлецом. Не послушал меня. Я же была против того, чтобы менял работу, никогда не ставила в укор зарплату. С первого же взгляда невзлюбила «знакового», завербовавшего Володю. Говорила же, увидев впервые: не нравится его лицо без тени улыбки, посмертная маска, а не лицо...»

«Был подводником — такая опасная и почетная профессия. Что же это за человек? Почему я не доверилась своей интуиции? Как же я была права!» — сетую запоздало.

Вечером звоню в Новгород Володиной сестре: сообщаю все «новости», о пропаже сруба, прошу приехать с квитанцией и потребовать деньги. Таиса говорит:

— Тоня, пусть подавятся. Мы не хотим никаких разборок, тем более Володя в таком состоянии.

Через семь лет я случайно встречу того «подводника» в коридоре администрации. Внутри меня снова всё задрожит и, не выдержав этой трясушки, не своим голосом храбро спрошу:

— Как вам спится, Николай Филимонович?

Ничего не понимая, не узнав меня, изменившуюся внешне, он будет долго, застыв, смотреть вслед, с трудом что-то вспоминая. Можно ли это назвать мстью? В Священном Писании говорится: тот, кто губит хотя бы одну человеческую душу — разрушает целый мир. Говорит ли губителям эта фраза о чем-нибудь? Для них она — жалкий лепет, агония жертвы.

БОЛЬНИЦЫ

Приехав в больницу, глядя в беспомощные по-детски глаза, сообщаю, показав трудовую книжку:

— Видишь, ты свободен и никому ничего не должен. Я тебя буду защищать. Теперь ты мой третий ребенок.

— Ты у меня сильная, вырастишь детей без меня. Видишь, какая я обуза?

По четвергам навещаю его, а это не ближний свет: автобусом до станции, там электричкой до Гатчины, оттуда автобусом полтора часа, кото-

рый ходит четыре раза в день. И все расписания надо совместить, подгадать, чтобы вернуться вечером к детям.

Надо ли говорить, какие это невеселые дни. Главное, привезти папиросы, а об угощении не может быть и речи, когда семья живет впроголодь. Хорошо еще, что наквасила капусты. Сделаю картофельное пюре, баночку капусты да десять пачек «Беломора» — вот и все гостинцы. Оформлять ему пенсию по инвалидности мне претило. Это же на всю жизнь клеймо, позор, думалось мне. Вдруг выкарабкается? Надеялась, что выздоровеет. Хотя общение с посетителями больницы разуверяло меня в этом.

Какое же печальное зрелище представляют это заведение, свидания, пациенты. К одному молодому человеку всегда приезжает бабушка и привозит стопку блинов высотой сантиметров пятнадцать. Бабушка удовлетворенно смотрит, как внук лихорадочно ест блины, один за другим запихивая в рот. И уезжает. Так получается, что я всегда дожидаюсь момента, когда внука тошнит в туалете. Санитарки ругаются и на бабушку, и на внука, убирая за ним. И так повторяется каждую неделю.

К молодому человеку приехала мать с авоськой, гостинцами. Через минуту разговора с ней сын хватает вынесенный из кабинета врача стул, на котором сидел в коридоре, и замахивается им на пожилую женщину. Та, отскочив в сторону, закрыв лицо руками, опростелью бросается по длинному коридору к выходу.

Володя похож на большого ребенка, который боится жизни.

Выйдя из больницы, этот третий мой ребенок не хочет жить и хочет освободить меня от него. Он еще пьет агрессивные для организма лекарства — карбонат лития и аминазин, от которых голова похожа на раскаленный чугунный шар, а тело становится ледяным, как у мертвеца.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю его, в прострации лежащего на диване и уставившегося в потолок.

— Как покойник, — отвечает. — Как может почувствовать себя покойник?

Но я еще на что-то надеюсь.

*Приснился странный сон: на острове, в ночи.
Река передо мной вспухает половодьем.
Мост под воду ушел, неразличим почти,
как омуты, черны на берегу разводья.*

*Напрасно брод искать. Свет от луны иль звезд.
И нет пути назад, и так страшит преграда!
И я совсем одна, — ни крика и ни слёз, —
оцепенев, стою, и в бездну прыгать надо.*

*Проснулась. Страха нет. Смятение в душе.
И странно, что совсем не рада пробуждению:
ведь ты — как та река, и я плыву уже,
спасительной земли не вижу приближенья.*

*И обрету ль тебя, утраченный покой —
далекий берег мой?..*

БУТЫЛКИ

Подряжаюсь мыть бутылки в подвале родного НИИ, благо директор великодушно разрешил. В институте давно не платят зарплату, но сотрудники продолжают ходить на работу. Спускаюсь в подвал, с утра и до вечера — у ванн с горой бутылок, собранных бомжами со всего города. Некоторые бомжи тут же и работают, раскладывая вымытые нами бутылки по коробкам из-под бананов. И спят на коробках: мягко и тепло. Ну, а далее — в эти бутылки разливается в каком-нибудь другом подвале разбавленный спирт и приклеиваются разные этикетки «брынцаловки», «жириновки» и прочие, которые мы (я и еще две женщины с трудной судьбой) и отскребаем ногтями.

Поднявшись из подвала в кабинет, не включая свет, сажусь на стул и обнаруживаю под собой... мешочек с творогом. Включаю свет — рядом сумка с торчащими макаронами, крупами, бутылкой растительного масла. И все — инкогнито. Но я догадываюсь, чьих рук это дело. Наташа, Аня, мои сокурсницы, работающие на соседнем предприятии. Как же я благодарна им за участие в судьбе: согрели и делились хлебом, подпирая меня, словно деревце в бедном саду.

В перерыв поднимаюсь из подвала на третий этаж к подругам. Нина и Зина ждут, приготовив обед. Взглянув на мои руки, с которых от воды и

порошка по локоть лохмотьями слезает кожа, на другой день несут немецкий лечебный крем.

— Ничего страшного,— говорю,— кожа новая нарастет. Не болит же.

По воскресеньям иногда приезжает из городка обремененная своими детьми сестра, говорившая соседке:

— Для меня съездить к Антонине — все равно что в церковь сходить.

НА ДНЕ

Но у тех бомжей, с которыми довелось работать, судьбы похуже. Как правило, это беспомощные жертвы махинаторов, споивших их и скупивших за бесценок квартиры. Конечно же, они сами пили уже давно и добровольно. Оставалось сделать только маленький толчок, чтобы скинуть их на дно. У 20-летнего Миши родители обменяли городскую квартиру на захолустье, доплату пропили. Четырнадцатилетняя Мишина сестренка осталась в интернате для оставших в развитии детей, а сам он пошел бомжевать в городе по вокзалам, подвалам, чердакам и собирать бутылки. Сестра иногда приезжает на свидание к нему из интерната. Тут же в подвале он угощает ее пряниками или печеньем, делится заработанными деньгами и отправляет на автобусе в интернат. Она до сих пор в памяти, эта девочка с потупленным взором, похожая на затравленного зверька, молчаливая, замкнутая, сидит на скамейке и ест сладкую булку. Что ждет ее в жизни?

Но брат ее пьет и неизбежно будет пить, и уже не может не пить. Мне бесконечно жаль этих ущербных и умственно, и физически людей. На мою просьбу не пить Мишка только отшучивается. Его не интересует будущее. Ему главное — забиться в конце каждого дня. Спустя несколько лет он уже не узнает меня при встрече, а я не осмелюсь поздороваться с человекоподобным пьяным существом с воспаленными, почти безумными глазами на неестественно раздувшемся лице. Во мне срабатывает инстинкт самосохранения.

Часто в подвал является двенадцатилетний пацан, сын несчастной женщины, работающей здесь. Он сбегает из школы для умственно отсталых детей. Но, сбежав, не сразу едет к матери. Оказавшись на свободе, мчится в Купчино, к игровым автоматам. Подолгу стоит там, наблюдая,

так как денег у него нет. Обязательно находится «добрый» дяденька, который дает денег на игру, а потом везет к себе домой и несколько дней использует мальчика в сексуальных целях. Пока замордованная жизнью мать спохватится, пока заявит в милицию, пропавший сын сам является к матери в подвал, бледный, худющий. Молча ложится на лавку и до конца нашего рабочего дня спит. Мать несколько дней его откармливает, накупив еды и запирая дома. Но спустя какое-то время сын сбегает и от нее. Все повторяется по кругу. В конце концов даже милиция перестала с этим возиться. Сценарий всегда один и тот же.

Выход один, решает мать: давать деньги на игровые автоматы. И теперь сбежавший после занятий мальчик приезжает к матери за деньгами, давая слово, что после игр вернется в интернат.

Порой мне хочется, как Крестовскому, автору «Петербургских трущоб», изучать жизнь падших людей, находить истоки их падения, виновников, творивших зло этим по-детски беспомощным и наивным людям. Хотя далека ли от них я сама, находясь на том же дне жизни? Как знать...

...Никто не защитит меня, и беззащитен ты.

На площади среди бела дня поддатые менты...

На детский месячный паёк — фломастеры, альбом...

Рисуй же, девочка, паёк — полугодовалый дом...

Высокий колокольный звон над городом плывет.

Он радуется, но испокон к смирению зовет...

Смирямся...

ТРЕТИЙ РЕБЕНОК

Поздно вечером возвращаюсь домой, кормлю всех и проваливаюсь в сон.

Каждый раз Володя встречает меня испуганными глазами, какие бывают у пятилетних малышей, долго ожидающих маму. «Наконец-то, жива, невредима»,— радуется. По утрам считает регулярным долгом предупредить об опасности, подстерегающей меня на каждом шагу, причем уверенно фантазирует различные варианты расправы со мной. Встретив вечером, начинает суесться, преданно заглядывая в глаза и стараясь угодить.

— Позволь мне быть рядом. Буду, как собака, сторожить дом, оберегать вас от опасности.

В своих болезненных фантазиях ему кажется, что он обрек нас на смертельную угрозу. Он решает мне выйти замуж, если полюблю или уже люблю кого-то. Он не будет мне мешать. Он только хочет быть поблизости, рядом со мной. По вечерам тихо прижимается к моему бедру, и на этом все кончается.

Я отстраняюсь от него. Мне неприятны прикосновения его ледяных и потных рук. Мне жаль его, но не могу преодолеть навсегда возникшее брезгливое чувство, физическое неприятие его.

Однажды, глядя на спящего отца, 13-летний сын произнес страшную фразу:

— Грех так говорить, мама, но лучше бы уж он у нас умер...

А я смотрю за столом на скорбное, убитое горем лицо мужа и думаю:

«Родила бы еще троих детей и посадила бы за стол и кормила бы их — вместо этого одного взрослого больного ребенка».

Поварешку в руках верчу... Я из дома сбежать хочу.

Дочь — в охапку, отсюда — прочь.

*Принимай свою гостью, ночь,
помоги, окажи приют, погляди,*

как мне страшно тут...

Но безмолвием стен глухих отразился мой крик и стих.

А дочка-ангел тихо спит, и кожа светится.

Неужто сверху Бог глядит? — надежда теплится.

ПОПЫТКИ САМОУБИЙСТВА

Только бы не видеть этих скорбных глаз. А еще тяжелее слышать. Надо иметь определенное мужество не реагировать на ужасающий бред, к которому и привыкнуть невозможно. Остается только поддакивать: да-да, изнасилуют, убьют. А не слушать нельзя, тут же впадает в агрессию и начинает кричать на весь дом:

— Почему ты не веришь мне?!

Тот человек, которого я любила когда-то, — умер в нем, с тех пор, как с ним произошла роковая метаморфоза. Он превратился в чужого, незнакомого, непредсказуемого, с колючим или затравленным взглядом.

Как-то я, машинально взяв из кухонного шкафа бутылку с 98%-ной уксусной эссенцией, подумала: вряд ли уже пригодится: дачи нет, денег нет, вряд ли что буду консервировать... И вылила

содержимое в раковину. И перелила в неё, благо стеклянная и с притертой пробкой, 6%-ный столовый уксус.

Прихожу с работы. Володя встречает словами:

— Я тут выпил у тебя стакан эссенции, да что-то не подействовала. Только слегка желудок обожгло...

— Господи, — ругаюсь, — когда же ты выбросишь из головы эти идеи?

— Я опасен для вас. Они из-за меня уберут вас.

— Да кому мы нужны? Надо думать, чем детей кормить!

В ответ только молчит.

Он боится потерять меня. Он так этого боится, что однажды, когда я задержалась на работе, пытался отравить газом себя и двухлетнюю Юлю.

Придя с работы, вижу его с сидящей на коленях дочкой около газовой плиты.

— Что ты надумал?! — ору на него.

— Да тебя долго не было. Я решил, что тебя прикончили. Сын-то большой, выживет, а мы кому нужны — я больной, да она — маленькая? — оправдывается.

В истерике надавав ему оплеух и вымолив клятву, что впредь этого не будет, кое-как успокаиваюсь. Но утром, идя на работу, невольно думаю: что-то еще вытворит? Не жизнь, а пороховая бочка. Каждый день — по лезвию ножа. А выхода нет. Дети да и он сам — хотят есть каждый день. И мне нужно каждый день зарабатывать на хлеб.

Зимним утром с криком меня разбудил сын. На кухне с отрезанным от плиты газовым шлангом сидит муж. Окно распахнуто. Оказывается, Саша проснулся от шипения и свиста газа. Прибежав на кухню, увидел, что отец ножом обрезал резиновый шланг и, засунув его в рот, пытается глотать свистящий от высокого давления газ. Саша вырвал шланг, перекрыл газ и открыл окно, чтобы не взлетели на воздух, и только потом разбудил меня.

Надо ли перечислять его бесконечные попытки суицида: бросался под электричку, когда она, набрав скорости, отходила от платформы. Отделался ушибами и ссадинами головы, когда летел под откос. Однажды бросился под грузовик. Шофер резко затормозил. Лоб был — как подушка. Несколько раз залезал на башенный кран, перекидывал ногу за

перила, но броситься с него не осмелился. И об этом спокойно докладывает в конце дня...

Как-то рано утром просыпаюсь: слышу, зовет меня по имени глухим голосом. Встаю. Голос из ванной. Открываю дверь, гляжу: лежит в сухой ванне, в белой футболке с алеющим на груди пятном размером с гвоздику. В раковине большой кухонный нож, по рукоятку в крови.

Говорит:

— Я тут хотел порешить себя, да нож все в какою-то пустоту проваливается. Я и под другим углом пробовал, нож скользит, а в сердце не попасть.

Чувствую, как внизу живота что-то опустилось. В голове, как тяжелые жернова, медленно заворочались мысли: если кровь из раны не хлещет, значит, в сердце не попал. Главное — не напугать детей. Убрать следы крови.

«Дурак, дурак, дурак!» — твержу как заклинание. Как робот, мою нож, выбрасываю в мусоропровод. Прошу выйти из ванны. Снимаю с него футболку, обтираю кровь вокруг ранки шириной с лезвие ножа, прикладываю чистую тряпочку. Потом механически застирываю футболку, мою раковину и только после этого вызываю «скорую».

— Тут человек порезался, — говорю шепотом, чтобы не разбудить детей.

— Он у вас псих? — спрашивает заспанный грубый женский голос.

— Да, он состоит на учете...

— Приедем с ментовкой.

— А нельзя ли без ментовки? Он ни для кого не опасен. Он только с собой пытается что-то сделать, — умоляю я.

— Ничего не знаю, у нас инструкция...

Приезжают. Увозят.

В обед меня зовут из подвала на вахту к телефону. Звонят из больницы, из отделения реанимации. Сообщают, что сделана операция...

Мчусь в больницу. Лежит с капельницей. Оказывается, «скорая» отвезла его в КПЗ районного отделения милиции. Медсестра решила, что ничего опасного нет, а транспорта везти в психиатрическую больницу не было. В камере у него открылось наружное и внутреннее кровотечение...

Были повреждены легочные оболочки, плевра, ткани между легким и сердцем. Зашили, заштопали.

В реанимационном отделении говорю ему:

— Посмотри, как с того света на этот люди тянутся, а ты — наоборот...

— А стоит ли на этот? — вопросом отвечает он.

Врач сообщил, что через несколько дней из реанимации его перевезут в специализированную психиатрическую больницу для суицидников, и выдал мне полиэтиленовый мешок с его вещами.

Выйдя на улицу, заглянула в мешок. В нем брюки и рубашка невероятной тяжести, как будто побывавшие в растворе бетона, впитавшие килограмма два крови. Ничего себе груз...

«Господи, — подняв глаза к небу, взмолилась. — Доколе же ты будешь валить на одни плечи? Что же ты за садист! На кого мне опереться в этой жизни? Посмотри, какая я слабая! Я скоро не выдержу твоих испытаний! Да забудь же ты обо мне! Зачем ты избрал меня для своего полигона, Господи? Да как же я счастливо жила, пока не знала тебя вовсе! Так же нельзя!»

Иду в сумерках по безлюдной улице, не вытирая слез, текущих по горячему лицу. Пройдя километр, чувствую облегчение. Наконец вспомнила о ждущих меня дома детях. Чем их кормить? Зайдя в магазин, что-то купила поесть. Дома тотчас запрятала мешок на антресоль в прихожей, а ночью пошла в ванную. Закрылась. Положив вещи в таз, пустила прохладную воду. Наверное, полчаса текла кровавая вода, которой не было конца. А я все смотрела и смотрела на эту кровь, как будто на чью-то вытекающую жизнь. Потом, тщательно выстирав брюки и рубашку, повесила их сушить и пошла спать.

«Я подумаю об этом завтра», — со словами Скарлетт из «Унесенных ветром» заснула. Мне нравилась эта утешительная фраза. Она выручала меня на протяжении многих-многих лет.

ПОВЕЗЛО

В тот день что-то кардинально переменялось в моей душе и в моем мировоззрении. Я поняла: мне не на кого надеяться в этом мире, в этой стране, кроме как на себя, на свою интуицию. Мне надо выжить, надо выстоять перед ударами судьбы. И ни к чему искать виновных в происшедшем. Нет виновных, есть просто несчастный человек, родившийся уже со страхом перед жизнью. И я не верю в того бога, который

считает, что несчастья даны в наказание за грехи. Я не согласна с таким утверждением, сказанным мне в церкви: мол, не пытайся ничего исправить, что ниспослано, а неси крест.

«За что?!» — О! Как велик мой вопрос к Богу!

Приехавшая из Новгорода сестра Володи рассказала: их мать, будучи на седьмом месяце беременности сыном, пережила стресс: среди зимы загорелся дом, и она очень испугалась. Мне припомнилось, как при жизни мать сетовала: Володя до пятилетнего возраста за ее подол держался — она не могла ни морковину в огороде вырвать, ни корову подоить без него. Вот где истоки его страха. Он родился травмированным. Отсюда и его реакции на неприятности. На одного человека неудачи действуют, только закаляя и заставляя бороться. Другой же копит их в памяти, сгибаясь от тяжести пережитого, позволяет растоптаться себя, самоуничтожается.

Навещаю в очередной больнице. Хорошо, что в черте города, а не на краю области. Все же легче с транспортом. Володя понимает, что тяжело нам живется, просит привозить один «Беломор».

По сравнению с Кащенко здесь приличные условия, по четыре человека в палате. Привезли новенького, неудавшегося суицидника. Молодой мужчина, лет 35, тут же свернулся калачиком, отвернувшись к стенке, как обиженный ребенок. Его жена, дождавшись собеседования с врачом, уходит. Показав в сторону новенького, врач говорит Володе:

— Вам повезло с женой. Вот, не успели привезти, а жена потребовала справку для развода. А ваша — молодец. В нашей больнице пациентов навещают только матери и бабушки. Таких жен искать надо.

ТЕРПИМ

Случайно нашла дополнительную работу — дежурство по ночам на стройке, рядом с домом.

Вечером, уложив маленькую Юлю спать, должна идти к одиннадцати вечера на стройку. Пока усыпляю ее, смертельно клонит ко сну. Как порой не хотелось отрывать голову от подушки и идти куда-то в темноту, в непогоду, в ночь! Но надо. «Раз, два, три — встала!» — приказываю себе.

Пришлось пресечь привычку прикорнуть рядом, дабы избавиться от мучений вставания.

Мои сменщицы, дежурившие с собаками, обычно на дежурстве спят. Но я не могу этого позволить, у меня нет ротвейлера, мастиффа или овчарки. Приходится бодрствовать. А утром — в подвал, к горам злосчастных бутылок. Глядя на бутылки, думаю: сколько несчастий, преступлений, горя, скандалов принесло выпитое их содержимое?

Саша отводит Юлю в детский сад и идет в школу.

Встречаю детского участкового врача. Спрашивает, имею в виду маленькую Юлю:

— Вы никуда не ходите или не болеете?

— Ходим в детский сад, — отвечаю, — а как же...

Иногда думаю: мой добрый Бог сказал:

«Забудь о своих детях, я позабочусь о них...»

И я действительно забыла о них. У меня только одна забота — накормить их. А сама мотаюсь по работам, по больницам. Дети растут сами по себе.

После больницы муж лежит на кровати, скрестив ледяные руки.

«Неужели это на всю оставшуюся жизнь?» — думаю обреченно.

Однажды ночью просыпаюсь в испуге: стоит около кровати и, наклонившись, всматривается в темноте в мое лицо.

— Иди спать, — строго говорю.

Послушно уходит, а я думаю: не придет ли ему однажды в голову укокошить нас всех и таким образом «спасти» от окружающей опасности?

Сын стал бояться ночевать с ним в одной комнате. Завернувшись в свое одеяло, укладывается рядом со мной и Юлей.

Однажды ночью Володя заходит в нашу комнату, хватает за шиворот сына и, сдернув с кровати, начинает его пинать со словами:

— Ты что это к матери забрался в кровать?

Я, в ярости вскочив с кровати и надавав пощечин, выгнала из комнаты, пригрозив:

— Завтра же поедешь в больницу!

Сын сидит на полу и, качаясь, твердит:

— Мама, я сбегу отсюда. Я сбегу отсюда. Я не могу больше так жить! Я уйду в какой-нибудь подвал.

Успокаиваю: хорошо, мы завтра обо всем поговорим и решим, что делать. А сейчас давай спать.

На другой день спрашиваю сына:

— Ну что, будем его отправлять в больницу?

Саша, взглянув на отца, с виноватым видом молчаливо умоляющего нас не сдавать его, говорит:

— Ладно, мам, потерпим еще...

Без меня произошла очередная стычка. Саша встречается со словами:

— Сдавай его в больницу. Я из-за него учиться не смогу. У меня единственный друг на протяжении 6 лет, а он на него с железкой набросился...

Гляжу на виновника, а тот испуганно несет околесицу, оправдываясь:

— Всё. Я уже не хозяин. Они меня убьют. Я их боюсь!..

Понимаю: боится даже детей посторонних. Прошу Сашу, чтобы никого не приводил к нам.

Как же велик запас прочности у человека. Может привыкнуть к каждодневному кошмару, сжиться с ним, научиться существовать в нем, ежедневно ходить по острию бритвы, привыкая к знакомому холодку, обладающего от одной мысли:

— Что сегодня может сотворить?

ПРОСТИ МЕНЯ, БРАТ

Ко мне приезжает издалека, из Архангельска, 50-летний брат с женой.

В прихожей Володя набросился на него с угрозами, кулаками, безумной бранью:

— Ты опасен, ты приехал, чтобы изнасиловать нашу дочь, ублюдок!

Я прикрикнула на него и загнала в комнату, откуда доносились громкие оскорбительные выкрики.

Жена брата, работавшая врачом «скорой помощи» и выдавшая всякое, молча вышла на лестничную площадку. Брат же, наклонившись к ботинкам, с капающими на них слезами, тихо говорит мне, присевшей рядом:

— Тоня, да разве можно так жить? Что ты делаешь? Это же преступление — так жить, ты калечишь детей, себя...

— Толик, я уже шесть лет так живу, привыкла... — успокаиваю, глядя по плечу брата. — Понимаешь, он добрый, он из-за страха так агрессивно себя ведет с окружающими. Нам он не причинит зла. У меня нет выхода, мы не можем от него отречься, выкинуть его, сдать в больницу. Там ему очень плохо.

А сама думаю: «Прости меня, мой некогда такой веселый брат. Прости меня за травму, что причинила тебе. Лучше бы ты не приезжал и не знал моей доли...»

И все же ловлю себя на том, что, выйдя утром на улицу, счастлива видеть кружащиеся снежинки, плывущие куда-то облака, пробирающиеся бледные лучики солнца, румяные щечки идущей навстречу и что-то щебечущей своей маме девочки.

«Какие вы счастливые, люди! — мысленно обращаюсь к прохожим. — Вы должны быть счастливы, у вас все есть для этого». И мне становится хорошо и уютно вне стен моего дома...

*И налегке, и с ношею — плохую и хорошею,
и по воде, и посуху — с котомочкой и посохом.
Через иголку ниточкой, водою через ситечко,
сквозь жар печи поленьями, через беду моленьями,
по бездорожью — скатертью, и дочерью, и матерью.
Сквозь приговор — надежду, и грешной, и безгрешною.
Мечтою ли несбыточной, путями перекрестными —
веди по жизни, Господи! Не оборвись же, ниточка...*

ТЫ ДУМАЕШЬ, ЛЕГКО ПЕРЕХОДИТЬ УЛИЦУ?

Часто вижу пару — мужчину и женщину. Они ходят под руку, тесно прижавшись друг к другу, как одно целое. Муж и жена. Он слепой.

Глядя им вслед, всегда о чем-то разговаривающим, невольно позавидовала: как, должно быть, им хорошо вместе. Господи, я забыла, что значит — идти рядом, чувствовать чье-то плечо, опору.

Как-то, переходя улицу и поравнявшись с ними, слышу обрывок их наивного разговора:

— Ты думаешь, легко переходить улицу? Надо сначала посмотреть налево, пройти половину дороги, остановиться, посмотреть в другую сторону и только потом проходить вторую половину дороги...

САМЫЙ ГУМАННЫЙ СУД

Однажды сидела утром на балконе. Вижу: первую парадную приехала «скорая». Машина притормозила у нашей, второй, парадной, и вышедший врач ушла в нужный подъезд. Володя, увидев с балкона «скорую», понесся во двор.

Смотрю: подбежав к шоферу, кричит на всю улицу, показывая в мою сторону:

— Не надо меня забирать в больницу! Я ее не бил! На ней ни одной царапины нет. Идите поглядите, вон она сидит!

Как велик страх его перед обычной «скорой»!

— Меня не заберут в больницу? Ты не вызывала их?

— Нет-нет-нет. Я же тебе обещала.

Кое-как успокоился.

Спустя месяц рано утром, около семи часов, за ним приезжает милиция. На мой недоумевающий вопрос показывают распоряжение судьи. Он нужен для каких-то показаний в суде как свидетель. Ничего не понимая, муж испуганно кричит:

— За что? Куда вы меня забираете?

Его увозят как преступника, под конвоем, со смиренно сложенными за спиной руками. С горечью думаю, глядя вслед: как все гуманно устроено в нашем мире...

Вспоминаю: действительно, у них года два назад произошел несчастный случай на работе. Взяли двух бомжей рыть канаву, а те, получив деньги и напившись, в ту же ночь что-то не поделили, и один другому перерезал «розочкой» — обломком бутылки, горло. Произошло это в районе железнодорожной платформы.

По этому делу была повестка к следователю. Я ходила, объясняла, что Володя на учете. И его оставили в покое. Но то ли следователь поменялся, то ли свои какие-то порядки: на заключительное заседание доставили. Все утро думаю: неужели нельзя было как-то по-человечески, предупредив об этом, не травмируя больного человека, близких?

Отработав до обеда, поехала в суд. Прохожу в зал суда. Приводят Володю как свидетеля. Обратившись к нему, судья говорит:

— Вы привлекаетесь к судебной ответственности за отказ и дачу ложных показаний...

Володя, поняв эту фразу в буквальном смысле, завopil, оправдываясь:

— За что? Я никаких ложных показаний не давал!

В зале захихикали.

Не выдержав, вскочив с места, кричу:

— Что же вы делаете? Он же не понимает даже, что ему говорят! Человек не в себе! Неужели вы не видите этого?!

Ко мне подбежал милиционер и, ухватив меня за руку, вывел из зала заседаний.

Сижу в коридоре, трясет от обиды, слез. Через пять минут Володю выводят под конвоем, руки за спиной, голова опущена.

— Куда его? — спрашиваю у милиционера.

— На пятнадцать суток за оскорбление суда.

Не помня себя, врываюсь в зал. Судья собирает на столе бумаги. В истерике кричу:

— За что?! Куда вы больного человека? Вы люди или звери?!

Наконец до судьи что-то дошло.

— Звоните в психдиспансер и узнавайте, — называю номер телефона лечащего врача.

Переговорив с доктором, судья дает распоряжение отпустить пленника. Шатаюсь, выхожу на улицу. Он, недоумевая, стоит и ждет внизу.

— А меня никуда не заберут? — спрашивает испуганно.

— Нет, — говорю, — пошли домой.

— А почему ты плачешь?

— По-то-му...

ПРИГОВОР

О Господи, думаю, закончатся ли когда эти испытания? Говорят: они даются или в наказание, или тем, кого Бог очень любит. И дает их ровно столько, сколько может вынести возлюбленная им жертва.

«Не люби меня, Господи, забудь обо мне, что я есть на свете. Такое чувство, что ты только обо мне и печешься. Зачем наказываешь этого несчастного человека? Разве мало тебе его мук? Разве честно, когда страдают слабые, добрые люди?»

Немного успокаиваюсь, будто прося прощения:

«Ну хоть не так часто, ну хоть давай какую-нибудь передышку. Ведь я же не выдержу. Я же умру от горя, Господи!»

После истории с судом Володе стало хуже, начался очередной кризис — он потерял покой, сон, перестал разговаривать. То лежит, уставившись в потолок, ни на кого не реагируя, то с бешеными глазами мечется из комнаты в комнату, на балкон и обратно, не находя места:

— Что бы такое сделать?

Видя, как тяжело ему, говорю:

— Пойдем, что ли, в диспансер.

Вячеслав Петрович удивляется, что Володя

слушается меня, и отправляет в больницу, обещая, что это хорошая больница с какими-то новыми подходами в лечении.

При первом посещении, знакомясь с доктором, поражаюсь великой скорби, в которой пребывает молодая женщина, лечащий врач. Как будто она впитала все горести своих пациентов. Такая обреченность и безнадежность в лице, не дающем ни малейшей надежды на чудо исцеления ее пациентов.

— Оформляйте инвалидность второй группы,— констатирует она и дает соответствующие справки.

— А дальше, доктор, неужели нет надежды? — спрашиваю с мольбой.

Она молча качает головой.

Я выхожу из больницы. Порошит снег. Остановившись на мостике через канал, смотрю на переваливающих уток, прыгающих внизу ворон, деловито подбирающих на льду кусочки брошенного хлеба. Глядя на ворон, думаю: какие они счастливые, здоровые, умные. Складываются строки:

*Вороны на заснеженном канале
счастливей, чем узники больницы.
Под сенью Александро-Невской лавры
кричат их души — раненые птицы.
Кто этот крик о помощи услышит?..*

А рядом, в доме скорби — за решечными окнами — несчастные, с серыми мертвыми лицами, с одинаковым испуганным выражением глаз взрослые люди, редко бодрствующие, чаще спящие, как обиженные маленькие дети, в безопасной позе зародыша, свернувшись калачиком. Какие же несчастные, горькие судьбы у этих брошенных, больных. И как же велико их число! А оставшиеся без родителей, они и вовсе никому не нужны. Кочуют из больницы в больницу, пока не застрянут навсегда в каком-нибудь интернате. И все в мире забудут об их существовании...

*По диковинным больницам — с узелком,
мученические лица — в горле ком.
В горе-море погруженные до плеч,
их от скорби балалайкой не отвлечь.
От сумы-тюрьмы зарёкшийся шутя
станет тихим, осторожным, как дитя:*

то заплачет, то завоет в теле дух...

*Что ж, закончилось свидание до двух,
и в морозную шагаю пустоту,
позавидовав вороне на мосту.*

ДОБРЫЙ БОГ

Возвращаясь вечером домой, молюсь, глядя в звездное небо:

«Господи, как жить дальше? Укрепи меня, помоги мне выстоять, раз уж ты так неотступно преследуешь меня своей «любовью».

Слезы текут по щекам. Свет от фонарей превращается в мохнатые круглые шары. Как в детстве, щурю глаза, изменяя очертания светящихся радужных цветов, сосредоточенно вглядываясь, завораживаюсь ими, и становится легче.

В один из выходных дней, когда в доме не было еды, совершила преступление: поручила Саше сдать в пункт цветных металлов медный посеребренный дедовский 8-килограммовый тульский самовар с деревянными ручками, с кучей медалей по бокам. Молча запихнула его в вещевой мешок и водрузила сыну на спину. Вернулся сын из города к вечеру, убитый горем: в пункте его приняли как латунный, дали всего по семь рублей за каждый килограмм веса; этих денег хватило на два килограмма сосисок.

*Затяжная блокада — годы каких-то реформ,
деда памятный самовар — за хлеб на металлолом.
Сына стипендия — на килограмм сосисок.
Первыми стали последние, да ходить по земле склизко.*

*Дорог проезд: на работу-обратно — пешком,
две буханки хлеба — в один конец, лучше съедим с молоком.*

*Экскурс в историю — на ваучер куплен свитер.
Об него свою шерсть вытер пёс рыжий, дворовый.*

*Затяжная блокада. Как Молох — утроба реформ.
Деда памятный самовар — за хлеб, на металлолом...*

И все же... я неисправимая оптимистка и мечтаю о сытой жизни. В доказательство сказанного в Новый год повесила на стену календарь, на котором изображена кладовая со всевозможными припасами, с висящими кружками колбас, кружками сыра. На полу дремлет рыжий кот, а на его

спине и на полу спят, укрывшись его пушистым хвостом, пузатые объевшиеся мыши.

Маленькая Юля, заглянув утром под елку и обнаружив под ней скакалку за два рубля, все равно обрадовалась, что Дед Мороз ее не забыл...

Однажды перед собеседованием с врачом зашла в лавру. Надо было как-то убить два часа. На улице февраль. Вышел священник в черной рясе с внушительной окружностью живота. От взгляда на его сытое довольное лицо и необъятное чрево у меня засосало в желудке. В голове мелькнуло крамольное желание спросить:

«Батюшка, почему ты такой сытый, а я сижу здесь такая голодная?»

Предполагаю продолжение диалога:

«Потому что грешна. Молись, на колени...»

Оглядев приход, священник скрылся за дверью в святая святых.

Сытые и откормленные лица вызывают у меня какое-то болезненное чувство. Мне, пожалуй, было бы стыдно носить такое лицо среди недоедающей паствы с бледными авитаминозными лицами.

Не хочу посредников. Я верю в другого Бога — доброго, умного, все понимающего, а не сидящего в кустах и наблюдающего, как брат убивает из зависти родного брата. И этот Бог любит меня, дает мне силы и надежду. Хотя имени его я не знаю. Но пусть он живет в моем сердце и не покидает меня, спасает и охраняет, направляет на путь истинный и укрепляет в моей вере.

Как-то, идя к вокзалу мимо садовых участков, увидела обреченный на высыхание тополь с подрубленной со всех сторон корой. Владелец земли пожелал избавиться от него. Подумалось: интересно устроена человеческая душа — самой не сладко, а вот видит страдание дерева, жалеет его, и ей становится легче, тут же ищет что-нибудь радостное, зовущее к жизни, за что можно уцепиться... По дороге сложились строки:

*Моя душенька, ты возрадуйся небу синему,
солнцу ясному,
будь со мной всегда, с сердцем рядышком,
ведь пришли сюда не напрасно мы.
Моя душенька, ты возрадуйся
спелым ягодам во чужом саду.
Как же мало мне в жизни надобно,
вновь счастливою по стерне иду...*

Странно, но приходят сны, в которых летаю, как в детстве, причем замечательно управляя крыльями. И так приятно ощущение полета! Снится, что лечу над городом на работу, но, подлетев к вокзалу, плавно приземляюсь и железнодорожный переезд прохожу пешком.

Не знаю, отчего такие сны. Ведь мне много лет, и я давно уже не расту. Интересно, что бы по этому поводу сказал Фрейд? Может быть, от недоедания, от живой массы, не дотягивающей до трех пудов? Одно радует, что в организме есть своеобразная защита: как бы скудно ни питалась, но менее 45 кг вес не снижается. Наверное, Природа заботится обо мне, как о том верблюде. Тоже своеобразный эксперимент.

В СОБОРЕ

Пройдя в глубину собора, сажусь, облюбовав скамейку напротив любимой иконы Иверской богородицы. Удивительно талантливо изображен неизвестным художником женский образ. Угадываю лицо крестьянки, молодой матери, держащей у груди своего младенца с чувством достоинства, выполненного природного долга. Я влюблена в эту женщину. В ней нет ни красоты, ни позы, ни кокетства. Одна естественность, и она покоряет. Подолгу смотрю в ее серые, такие знакомые, как собственные, глаза и ощущаю глубокое внутреннее родство с ней.

Сидя в уголке сумрачного собора, наблюдаю за прихожанами.

К иконе подошла пожилая женщина. Она поставила тонюсенькую свечку, но не успела поднести руку ко лбу, как свечка упала набок. И так несколько раз. Женщина укоризненно качает головой, что-то шепчет, глядя на икону. Снова укрепляет свечку. Когда в очередной раз свечка подкосилась, женщина, махнув рукой, быстро перекрестилась и ушла.

Однажды, по-видимому впервые, в храм зашел мужчина средних лет. Купив толстую свечу, поставил ее и, почесав нос, ухо, с детским растерянным выражением направился к выходу.

Часто в соборе бывает странная пара — мать и дочь. Прижавшись, как сиамские близнецы, друг к другу, они смотрятся единым существом. Кажется: дочка приросла к материнскому боку. Быстрыми семенящими шагами они обходят по

периметру собора все висающие иконы и исчезают так же быстро, как и появляются. Их заученные движения невольно бросаются в глаза. Это сколько же лет надо вот так ходить, чтобы врасти друг в друга?

ЭПОХА ПЕРЕМЕН

Как-то, сидя в соборе, увидела вошедшего молодого мужчину: волосы ежиком, длинное кашемировое пальто нараспашку, уверенная, вразвалочку походка хозяина жизни. Пройдя к огромному полотну распятого Христа, он поставил самую дорогую свечу. Широко расставив ноги, с минуту постояв, вышел.

Интересно, о чем он думал в ту минуту... Какое у него было выражение лица? Нет, не скорби, не раскаяния... С таким выражением готовятся к бою — решительное и жесткое. Лицо бога войны. Хотя нет. Тот бог войны — Арес, что в «Зене — королеве воинов», любимом фильме детей, выглядел как раз несерьезно. Артиста всегда выдавали смеющиеся глаза, хотя поступки его по сценарию жестокие. Глаза же этого человека... Сомневаюсь, умеют ли они смеяться...

И походка... Как будто земле тяжело носить этого человека, а ему тяжело ходить по ней. Бросаются в глаза сильно развитые передние конечности, этакая паукообразность облика, как мне думается, вследствие сидячего образа жизни.

А может, я придумала эту защитную философию от зависти к богатым, к их красивой жизни, к шикарным многоуровневым квартирам, джакузи. Я знала людей, создававших эти роскошные апартаменты для хозяев жизни.

— Не хочется такое иметь? — как-то спросил меня один из рабочих, отделявавших особняк для чиновника.

— Хотелось бы, — призналась я, расхаживая по комнатам, как залам музея, разглядывая дубовую лестницу с изображениями львиных морд на каждом этаже, спальную комнату в 60 квадратных метров, отдельную детскую спальную в 20 метров, туалетные и ваннные комнаты на каждом этаже, тренажерный зал, сауну. Но уютно ли мне будет жить в этой стране, когда перед глазами повсюду предстают недокормленные лица детей, лица недоедающих пациентов психбольниц, число которых год от года

множится. Как знать, не участвует ли в этом процессе тот самый чиновник от власти? И знает ли он, как на пенсию по инвалидности в 540 рублей прокормить двоих детей и самого инвалида? В то время как пенсия военнослужащего с тем же диагнозом и той же группой инвалидности составляет две тысячи.

Наверное, государство рассуждает: двое моих детей хотя и есть в четыре раза меньше, чем сынишка военного, и у меня нет оружия, чтобы протестовать... Нет, я не завидую, разве можно завидовать чужой беде? Просто сужу о социальной политике, которую ощутила, грубо говоря, на своей шкуре. И молчу о зарплате того чиновника... Вот ведь что «сочиняется»:

*Проклятье — жить в эпоху перемен: война —
и недокормленные дети.*

*С экрана же — упитанные дяди,
в щеках гемоглобин, прикид а-ля Карден.*

*Проклятье жить в эпоху перемен
упало на ослабленные плечи,
калеча души и умы увеча, загнало
в нищету, болезней плен.*

*Несчастье жить в эпоху перемен
постигло старых, малых и убогих,
и я молю, чтоб не оставил Бог их
и уберег их в роковой момент,
когда недостает надежды выжить...*

Всякий раз, когда еду в метро, по вагонам бродит стайка цыганят с цыганкой, у которой за спиной спит грудной малыш. Даже сквозь чумазые щеки виден здоровый румянец. Невольно думаю о собственных детях с бледными лицами... Сравнения не выдерживают...

*В переходе метро у Гостиного слышу голос
чудесный и сильный:*

*пела женщина изможденная,
с отрешенным и светлым ликом.*

*И душа разрывалась от крика,
видя зрелище это постыдное...*

Наверное, жизненное напряжение влияет на мое мировосприятие. Как будто внутри заведен минный механизм, тревожит, будоражит меня, обостряет слух: даже обычный ход часов в ночи оглушительен. Как-то, задумавшись над словами «родина-мать», появился образ пьяной женщи-

ны, ничуть не заботящейся о своих детях, а мы, дети, и страдаем, и осуждаем, и все равно любим ее, несчастную... А быть может, она для нас злая мачеха? Кто знает...

*В полупьяном сне живет страна, голодают люди,
а в ее амбарах-закромах — с маслом шиш на блюде.
Упыри — хозяева в избе, бабе подливают,
а в печной нетопленной трубе ветер завывает.
Дети смиренно на печи сидят, вниз сойти не смея,
и на мать испуганно глядят: может, протрезвеет?
Без неё — кому они нужны в доме их порожем?
Им дожить бы только до весны и — на корм подножный.*

По телевизору показывают открытие после ремонта психоневрологического интерната, в котором содержится около 80 детей-сирот, самых малюсеньких, начиная с грудничков. Около 70 процентов из них с поражениями мозга, остальные нормальные. Перерезают красную ленточку. Демонстрируют новую мебель, массажные столы, игрушки для детей. Замечательный персонал берет детишек на руки, говорит о том, как полезно их держать на руках.

Все вроде хорошо, надо бы порадоваться за этих несчастных, которым «повезло»... Но почему тяжело на душе?

Смотрю в личики детей и думаю: они так привыкли к своей заброшенности, что даже не просят на руки, недоумевают, когда оказываются на руках. Если бы их баловали вниманием — какой бы стоял ор, крик: все как один, плача, просились бы на ручки. А они сидят, лежат в манежах, и по глазам поймешь: бесполезно плакать...

Заведующая сетует, что никто не хочет работать здесь, потому что тяжело. А если не хотят здесь работать, разве будут любить? Одно с другим связано. На месте государства установила бы такую пенсию на этих детей, чтобы родителям самим было выгодно растить их дома, на руках, а государству отвела бы контролирующую опекунскую функцию. Получается, как в поговорке: чужую беду рукой разведу...

Еду в маршрутке. На одной остановке села женщина с санками. Пассажиры осуждающе уступают ей дорогу до места: куда, мол, прется с санками. И никому невдомек: там, где она сиделась, находится интернат для детей-инва-

лидов, среди обитателей которого есть и ее ребенок... Иногда хочется крикнуть: «Люди!..»

Вспомнилось, как однажды возвращалась на электричке летним вечером с дачи. Было еще не поздно, полдевятого. В вагоне народу мало. Нависок от меня сидели две девчушки. К ним сбоку подсел подвыпивший шуплый добродушный мужичонка. Девчонки захихикали и отсели в другое место. И вдруг из противоположного конца вагона в нашу сторону направляются двое возбужденных здоровенных парней и, подойдя вплотную к сидящему тихонько мужичку, начинают жестоко, с пьяным вожделением избивать его. Первые два удара — в лицо и под дых — тот от неожиданности пропустил, потом свернулся ежиком, инстинктивно закрывая лицо...

— За что?! — не узнавая своего голоса, завопила, вскочив с места, будто лечу в яму с хищниками. — Он не сделал ничего плохого!..

Мблодцы, решив, что я — жена жертвы, быстро, огрызаясь, ретировались. Сидящие в вагоне несколько мужчин сидели с приклеенными к окнам лицами, якобы ничего вокруг не замечая. Трясущимися руками подаю мужичку косынку — утереть с лица кровь. На станции Антропшино, будто протрезвевший, он вышел, а меня до самого дома знобило и душили слезы бессилия... Была бы я Кинг-Конгом...

«О, Господи, — думаю задним умом, — ведь могли что угодно со мной сделать эти отморозки, у которых от пьяного куража и животной силы чесались руки, и никто бы не заступился. Эх, люди...»

ВЫПИСКА

В конце февраля, ожидая собеседования с врачом, примостилась, как обычно, в соборе. Довелось увидеть необычную ситуацию:

*В Александровской лавре со свечой у иконы
околдованный мальчик отбивает поклоны.*

*То ль в пример прихожанам молиться поставлен
в этом сумрачном храме? Догадаетесь сами.*

Двадцать, тридцать минут — но никто не подходит.

Немигающих глаз он с иконы не сводит.

*Воск по пальцам течет, он не чувствует боли,
знай поклоны кладёт, отрешен и безволен.*

Посреди февраля, на ногах же — калоши,

*шерстяные носки. Он причесан, ухожен.
Вышел важный священник, приход оглядел
и укрылся за дверь в потаенный придел.
Я стою в стороне, наблюдаю тихонько.
Ах, за плечи бы взять и встряхнуть бы ребенка!
Но боюсь — ведь привел его кто-то сюда?*

Вот такая беда...

Как-то в конце марта, переговорив с врачом, узнаю, что Володю собираются выписывать. Приговор: инвалид второй группы.

Мартовский день. Выписка. Солнце залило городские улицы, площади. Веду его по Витебскому вокзалу. Володя идет, не поднимая ног, шаркает ими, как старик.

— Ты почему ноги не отрываешь от земли, как двухлетний ребенок? — спрашиваю.

— Так привык уже в тапочках без задников ходить, — объясняет он. И продолжает: — Ты можешь выйти замуж, только позволь находиться рядом с тобой. Я буду совсем немного есть. У меня теперь будет пенсия. Я имею право не работать....

— Кто меня возьмет? — отмахнулась, с горечью взглянув на его лицо. И все же делаю попытку растормошить его, чтобы порадовался солнцу, небу:

— Смотри, какие облака!

И он послушно смотрит в небо.

О, если бы было возможно расколдовать его, превратить его в прежнего!

Вечером по-матерински гляжу на него спящего, жалею и думаю:

«Неужели нет в мире средства обратить его в прежнее сознание, встряхнуть из этого умопомрачения? Неужели нет никакого выхода?»

Взглянула на себя в зеркало:

«Господи, в кого превратилась?» — Из зеркала на меня смотрит совсем седая женщина с гладко зачесанными назад и собранными в узел волосами. Трудно сказать, сколько лет этой женщине. Можно дать шестьдесят.

Вспомнилось, как три месяца назад привела мужа к врачу. Лечащий врач был на переподготовке, его замещала незнакомая мне женщина.

— Это ваш сын? — спрашивает меня, когда я завела в кабинет мужа.

— Нет, муж, — говорю, и та вскинула удивленные глаза.

«Ну и видок», — усмехаюсь про себя равнодушно.

ПЕРЕДЫШКА

После больницы решила отправить его на недельку в Белоруссию повидаться с отцом да и просто откормиться немного. Отец Володи после гибели матери женился и ушел жить в конец деревни к новой жене. Дом пустовал. Отец не хотел его продавать. Посадила Володю на поезд.

Каково же было мое удивление, когда через два дня позвонила оттуда соседка и сообщила, что Володю отец увез в областную психиатрическую больницу.

— Алла, — кричу я в телефон, — так он же только что из больницы выписался!

— Отец боится, что он что-нибудь с собой сделает или дом подожжет, потому и сдал, — объясняет Алла.

— Знаешь что, пусть отец отправляет его назад домой.

— Но ему же курс лечения назначен.

— Алла! — категорически приказываю. — Срочно возвращайте его домой. Скажи врачам: его здесь будут лечить, — уже сочиняю в лихорадке.

Володя вернулся, затаив обиду на отца на всю оставшуюся жизнь.

Спустя и год, и два на мою просьбу написать отцу письмо неизменно отвечает:

— Нельзя. Напишу письмо — он сразу же помрет, — и смотрит загадочно.

И я уже больше не пристаю с этой просьбой.

ПРИНЦИП ГИППОКРАТА

«Я сама должна что-то предпринять», — решительно думаю и, следуя интуиции и гиппократовскому принципу (который я поняла примерно: «Если у вас случилось несчастье — поведайте о нем любому, готовому вас выслушать. И чем больше будет желающих выслушать вас — тем лучше будет ваше самочувствие»), начинаю с ним подолгу разговаривать.

Сын уводит Юлю гулять в парк. Володя лежит на кровати, закрыл глаза. Сажусь рядом и спрашиваю обо всех трагичных моментах, произошедших в его жизни, заставляя его вновь пере-

жить те потрясения. Нелегко давались такие беседы. Но после них лицо его светлело, расслаблялось и он становился похожим на себя прежнего. Хоть какое-то облегчение.

Продолжаю жить одним днем. Не загадываю далеко. Что же, значит, таков мой крест и я должна его нести достойно...

Пока лежал в больнице, я устроилась подрабатывать по утрам дворником. Из сторожей ушла: охраняемый дом построен. Встану как можно раньше, мету дворы, улицы, вычищаю поребрик. Стала приобщать и Володю к этой работе. Наблюдаю со стороны: тот берет лопату и ведет ее вдоль поребрика прямо и прямо. Поребрик заворачивает в сторону, а он, не замечая этого, рулит прямо, пока тупо не упрется во что-нибудь.

«Так ведь он, чего доброго, и на проезжую часть может вырлиться», — ужасаюсь и прогоняю от греха подальше домой.

Мне даже нравится эта работа на свежем воздухе. Если бы не рука. В прямом смысле слова — вытянуты жилы, то есть сухожилия из сустава от нагрузки, превосходящей биологический резерв. Дважды делали операцию, укорачивали его, запрещая физические усилия на руку. Сначала пользовалась эластичным бинтом. Но очень уж неудобно. Будь что будет, думаю, нагружая в тачку скопившийся за зиму на улицах песок. Терпи, чего уж там. Тупая, скулящая, вполне терпимая боль.

ТЕЛЕФОННЫЙ ТЕРРОРИСТ

И все же понемногу Володя приучается помогать мне. День за днем — трудотерапия срабатывает, начинает нормально, осознанно орудовать лопатой, метлой. На свой страх и риск решила прекратить давать лекарства. Из двух зол выбрала наименьшее — нет ничего хуже их непредсказуемого действия.

Без лекарств в нем появился какой-то здоровый эгоизм. Он предсказуем, ничего с собой не сделает: хочет жить. Только посягает на нашу свободу. Пыгается отгородить нас от окружающего мира. Повалился брать мою записную книжку. Улучив момент, звонит всем знакомым, оскорбляя и угрожая им. Заделался этаким теле-

фонным террористом, нанося непоправимый моральный ущерб моим друзьям, сослуживцам, его же знакомым, с которыми раньше работал. Это какой-то кошмар.

Никакие разговоры не действуют. Дает слово, что больше не будет так поступать, а сам продолжает то же самое. Что делать, не знаю. Устала извиняться перед людьми. Нельзя в магазин прийти, чтобы не подскочила какая-нибудь знакомая:

— Что-нибудь делай с ним или в больницу сдавай! Звонит, оскорбляет!

— Я поговорю, — обещаю, извиняюсь.

Придя домой, ругаюсь и предупреждаю:

— Если и дальше будешь терроризировать людей — они тебя сами сдадут в больницу. А я развожусь с тобой. Ты мне никто. Почему бы тебе не жить тихо и спокойно? Ты для всех вредитель. В доказательство того, что я не желаю тебе зла, я даже не хочу иметь право сдавать тебя в больницу. Пусть посторонние люди тобой занимаются.

Опять клянется, божится... А сам втихаря продолжает телефонную войну.

Последняя выходка меня вывела из себя.

Выкрыв мою старую записную книжку, улучив момент, ночью звонит по прежнему телефону моей подруги, попадает к ее пожилой маме, которая лежит после инсульта:

— Твою, такую-растакую, дочку Нину, — называет по фамилии, — давно пора прикончить, и это обязательно сделают, и закопают... — и бросает трубку.

Мама потеряла дар речи. Дожив до следующего утра, не сомкнув глаз, утром звонит, заикаясь, дочке:

— Нина, что там у вас произошло? Тебя собираются убить за что-то!

Хорошо, подруга сообразительная, догадалась, чьих рук это дело...

А сколько еще невидимых и не признавшихся жертв.

Подходит на улице к моим знакомым, причем женщинам, и угрожает:

— Если подойдете к моей жене — ноги обломаю.

Те в ужасе шарахаются от него.

Ему кажется, что все только и озабочены — подыскать мне какого-нибудь жениха и развести его со мной. Хотя своим поведением и подтолкнул к разводу.

ЛЮБЛЮ ДРУГОГО

Встав у двери, Володя подозрительно спрашивает:

- Куда это вы зачастили?
- По своим делам, на писательскую встречу.
- Тебя там напоят, а ребенка изнасилуют, — страшает.
- Успокойся, ничего не случится. Что ты придумываешь?!

Со скандалом, а иногда и с грубыми выходками, мы с Юлей, как заговорщики, выбираемся, наконец, на волю.

Когда я сообщила ему, что полюбила другого человека и развожусь, он переменился в лице, став похожим на себя прежнего, когда был здоров, побледнел и произнес тихо:

— Конечно, «люблю другого» — серьезный аргумент для развода, и я тебе его даю. Из синички ты превратилась в лебедь белую, и мне тебя уже не удержать. Но если достану звездочку с неба — все равно тебе ее принесу — в благодарность за то, что было. Или Юле... Но только в психушку меня не сдавай. А я, наверное, так и останусь на всю жизнь гусем задрипанным...

Один Бог знает, что творилось в моей душе, какую жалость вызвали его слова... Бедный, бедный...

Но уже через несколько минут он набросился на меня с оскорблениями и допросом:

— Кто он? Я должен его убить! Он опасен для нашей Юли! Ты посмотри на себя в зеркало, мымра старая! Кому ты нужна! Тебе же на пенсию пора!..

РАЗВОД

Итак, мы развелись. Живем в одной квартире. Идя на работу, говорю:

— Запомни, я тебе никто, считай, соседка или дальняя родственница. Никого не доставай! Никому не угрожай! Я свободна от твоей опеки, буду ездить куда мне надо. Ничего со мной не случится. И никогда, слышишь, никогда не смей меня оскорблять. Иначе мы вовсе исчезнем из твоей жизни. Нам сейчас нужно просто растить детей. И ты, пожалуйста, помогай в этом.

Как-то перед Пасхой я начисто, до свежей травы, выскребаю железными граблями газоны

около двух домов, закрепленных за мной. Володя носит мусор в контейнеры. Руки уже занемели, дрожат и еле держат грабли. Но характер не позволяет оставить работу на «потом». Постояв немного, опять принимаюсь за дело. К вечеру, уставшая, стою, оглядывая убранную территорию. Из парадной вышла худенькая старушка с красивой пожилой дамой. Поравнявшись со мной, старушка наклонилась, опустив к земле руку. Сначала я даже не поняла, что означает странный жест, но старушка дважды поклонилась мне, касаясь рукой земли...

Вот это да! Ощущаю потрясение. За что мне такой подарок? Давно не испытывала подобной радости, признания за, казалось бы, незаметную никому, неблагодарную грязную работу. Да ради вот этого земного поклона и стоило мучаться...

Через полгода Володя устроился работать помощником сварщика на завод, причем далеко от дома:

— Так безопасней для семьи, — утверждает.

И ездит за тридевять земель, ползарплаты тратя на транспорт. Радуюсь, что хоть что-то платят, не выгоняют, значит, работать может.

Сразу же отказался от пенсии по инвалидности, выбросив пенсионную книжку:

— Я не имею права на пенсию, так как зарабатываю на хлеб.

— Но ведь ты мог бы бесплатно ездить на работу, — пробую увещевать его.

— Я не имею права бесплатно ездить: видишь — у меня же руки грязные, руки ра-бо-че-го!.. — орёт.

КУДА ОНА ХОЧЕТ ЕХАТЬ?

В январский зимний вечер возвращаемся с 8-летней Юлей из гостей. Ждем пригородный автобус. На проезжую часть неожиданно выбегает девушка — без шапки, в куртке, коротюсенькой юбочке и (о Боже!) в туфельках. Стоит на шоссе, скрестив на груди руки и повернувшись корпусом навстречу движущимся машинам. Некоторые, не останавливаясь, притормаживают возле нее, как будто разглядывая в свете фонарей.

Мороз к ночи крепчал. Видно, что девушке холодно. Голова ее совсем вжата в плечи. Почти вплотную подошедший к ней автобус на

Петербург девушка проигнорировала. Юля, внимательно глядя в сторону девушки, тихо спрашивает:

— Мама, а куда она хочет ехать? Наверное, как и мы, — в Пушкин? Но почему она стоит там, а не на остановке?

— Не знаю, — отвечаю я, догадываясь и раздражаясь.

Прошло еще минут 10. Подошел автобус на Пушкин. Мы садимся, а девушка остается на шоссе.

В автобусе Юля смотрит в замерзшее окно на оставшуюся девушку, но, ничего не разглядев сквозь морозное кружево, снова спрашивает:

— Почему она не села и в наш автобус? Куда же она хочет ехать?

Что ей ответить? Действительно, куда?

ПЕРЕМЕНЫ

Жизнь моя входит в нормальное русло. В институте начинают регулярно платить, но зарплата мизерная. Однажды, остановившись на ступенях институтского крыльца, подумала:

«Без двух месяцев — ровно двадцать лет хожу по этим ступеням... И что я заработала за все годы? Только на хлеб...»

Решение пришло мгновенно. Поднявшись к себе, написала заявление на увольнение. Верно говорят: кто боится сделать шаг — остается на месте. Директор никого не держит. С радостью распрощался почти со всеми моими ровесниками-сослуживцами. С облегчением выхожу из стен, в которых прошла половина жизни. Ну и ладно.

Устраиваюсь работать на должность дворника-вахтера предприятия. В мои обязанности входит уборка прилегающей территории и дежурство на телефоне-коммутаторе. Зарплата — в два раза выше, чем в институте. Плюс премии, квартальные, плюс замечательное отношение персонала, плюс свободное время. Работа два дня через два.

В РЕДАКЦИИ

Дважды в месяц хожу в литературный кружок при редакции районной газеты. Как-то, передавая для литературной подборки стихи нашего ЛИТО, главный редактор предложила мне ра-

боту корректора газеты. Я согласилась, но с условием испытания, так как не уверена в знаниях русского языка. Наталья Викторовна, протестировав меня, осталась довольна.

Заместителем редактора был Александр Матвеевич, с которым мне и посчастливилось сотрудничать.

Это была самая веселая в моей жизни работа. Представьте коллектив из восьми молодых женщин, одного мальчика-фотографа и одного начальника, коим и был он.

— Здравия желаем, товарищ старший лейтенант! — рапортуем мы ему, выстроившись 23 февраля перед празднично накрытым столом.

— Вольно! — гаркнув нам в ответ, он широкой ладонью, как лопатой, приглашает к столу, дав команду садиться. При этом просит Максима поставить на компьютере музыку английских групп 70-х годов.

Помнится, в редакции все время смеялись над чем-нибудь, особенно над забавными ляпами в чудодейственных средствах неграмотных рекламных заказчиков. Как будто в самом воздухе находился вирус смеха. Когда же Александр Матвеевич начал писать «Утомленных вдохновением» и публиковать отдельными главами в газете, начался вообще потешный период. Сижу, бывало, вычитывая полосы, а он раз сорок заглянет в комнату, якобы по делу. А самому интересно увидеть мою реакцию, как читательницы? Доволен, вида, как я трясусь от смеха над некоторыми моментами повести, где была непосредственной участницей узнаваемых в ней событий. Встанет у двери, прикрыв рот и нос ладошкой-лодочкой, а глаза у самого — как щелочки, от смеха. Наивный, думал, я не вижу. Но он же начальник, должен быть серьезным, хотя ему это редко удавалось.

Легко угадывались описываемые им персонажи. Однажды читаю о себе: «На Ангелине были черные ажурные чулки с черными же трусиками, поясом и, естественно, лифчиком...»

Вспыхнула возмущенно:

— Ну вы вообще что себе позволяете?

Он смеется:

— Читай дальше! Это же она приснилась в таком виде Овидию. К тому же в следующей главе я собираюсь их поженить.

Как-то попросил написать ему два своих стихотворения. Удивилась: к поэзии он никогда не

выказывал явного интереса, даже насмешливо произносил само слово «поэт». Вскоре снова обращается с необычной просьбой: написать что-нибудь об Ангелине:

— Ты же ее лучше знаешь, чем я.

Подумала: естественно, нужна вспомогательная информация. Написала о себе как получилось. Каково же было мое удивление, когда, вычитывая очередную субботнюю полосу газеты, натыкаюсь на главу об Ангелине, написанную собственноручно. Конечно же, и радость, и гордость. Еще бы — рядом с таким «профи» вписалась.

По субботам мы часто встречались в Павловске на союзписательских тусовках. Если же Матвейч пропускал встречу, то после обязательно выпытывал у меня, сев на стул напротив (именно — выпытывал!), о происшедших событиях. И я, как внештатный корреспондент, обо всем ему докладывала-сплетничала.

Его интересовало всё — до мелочей. Умел и любил слушать, буквально мотал на ус. Усы вскоре почему-то сбрил. Стоило ему поведать о каком-нибудь событии — глядишь, а оно уже на странице его рукописи. Да причем так гротескно преломлено, что без слез от смеха и читать нельзя. Кстати, на этой работе мне пришлось перейти на водостойкую тушь для ресниц.

Вспомнился рабочий эпизод. В серьезной статье говорилось о подводной лодке, совершившей за время войны 312 походов. В тексте «...из 312 походов...» всего-навсего у предлога «из» не хватало буквы «з». Проверяя полосу и заметив это, Матвейч пишет на поле «з». Жанна, верстая газету, видя на поле «з» и приняв ее за тройку, добавляет к 312 походам цифру «3». Матвейч смотрит вышедшую полосу и, удивившись, что у предлога «из» недостающей буквы так и не появилось, снова пишет на поле «з», не обратив внимания на то, что число походов подводной лодки увеличилось аж на три тысячи. Жанна, в очередной раз забрав у него материал, снова видит на поле злополучную тройку, собралась уже было вклеить ее, да призадумалась над количеством походов подлодки: «Это же сколько походов ей нужно было совершать ежедневно?» Молча заглянула в оригинал, и недоразумение разрешилось.

Проколы бывали. Однажды поместили в газету

фотографию уважаемого чиновника, но на сканере ее слишком затемнили.

Утром прихожу на работу. У Жанны трагичное выражение лица. Показав мне в вышедшем номере газеты на какого-то эфиопа, говорит:

— Посмотри, каким получился уважаемый бледнолицый чиновник.

Посмеявшись, сидим, ждем: что последует за сим? Слава Богу, все обошлось, хотя втихаря ожидали нахлобучки от чиновников.

Вычитывая в газете какие-то пространные отчеты начальства, спрашиваю Матвейча:

— Зачем же такую скукоптищу публикуете?

— Нам за это деньги платят, Тоня, — нарочито строго сказал.

На 8 Марта подарил нам по одинаковой сувенирной ручке на шнурке с крохотным брелоком-лошадкой. Каждый подарок важно сопроводил словесным поздравлением: кого-то эта лошадка должна вовремя доставлять на работу без опоздания, другой — помогать по хозяйству, третью — сопровождать в командировке, четвертой — перевозить вещи на новое место жительства и т. д. Умел из ничего сделать праздник.

Как-то пожаловалась, что к судебному приставу вызывают по поводу многолетней задолженности по квартире. Утешает:

— Не бойся, заплати штраф, отнеси квитанцию и живи спокойно. У меня тоже 5-летний долг, ничего страшного.

Советовал не принимать ничего близко к сердцу, относиться к жизни как к игре:

— Только знай и соблюдай правила.

Всегда поражала его молниеносная и кратчайшая характеристика людей. Как-то, ожидая общего знакомого, говорю ему:

— Смотрите, как он издалека на купца похож — и бородкой, и кепкой, и брюшком, и осанкой.

— Да, — соглашается. — И обманет, и поделится.

Однажды другой знакомый жалуется ему при встрече:

— Голова что-то болит.

Матвейч ему утвердительно в ответ:

— Да, мне тоже выпить хочется.

На летний период ушла из редакции. При встрече говорит уверенно:

— Все равно придешь к нам осенью.

Я в ответ улыбаюсь:

— Не приду. Хотя у вас и весело, но денег-то не платите.

— Будут деньги, — заверяет.

Но не суждено было вернуться. Через два месяца Матвеича не стало...

Запомнились строки его книги, которые стали для меня своего рода девизом:

«Приподнимай людей, если ты их любишь, а не опускайся с ними еще ниже...» И далее, где он говорит о поэте: «...В поэзии Рубцова присутствовало то, что невозможно выразить словами: сыновняя любовь к Родине, очарование молодости, чистота и свет истинного таланта. Когда мне было плохо, я брал с полки томик Рубцова, открывал наугад... И уходила тоска, и становилось легко и спокойно на душе, и мир снова становился приветливым и открытым... «До конца, до тихого креста пусть душа останется чиста...» В одной из его новелл на вопрос, какие герою снятся сны, тот отвечает:

— Чаще всего — улочки средневекового города. На мне — черный камзол, черный плащ, в руках — меч... Потом оказывается, что это не меч, а гитара, и я стою с друзьями на сцене. Внизу, под сценой, — море людей и море горящих свеч. Мы играем настоящий хард, я — пою... Песни очень мелодичные — когда я просыпаюсь, обрывки мелодий еще звучат в голове, но быстро исчезают. Я засыпаю снова и снова оказываюсь на улочках средневекового города...» Таким романтиком Александр Матвеевич предстает предо мной.

Он рано ушел из жизни, мечтая о своей книге. Называется она «Утомленные вдохновением». Его мечта осуществилась, хотя книгу он не увидел при жизни. Книга его получилась легкая, забавная, смешная, ироничная, умная и чуть-чуть разбавлена грустью. «Ирония — тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме» — говорится в словаре.

ЛИТО «ЛИРА»

Несколько лет при редакции существовало Литературное объединение, созданное еще Татьяной Григорьевной Гнедич. Я застала некоторых ее современников: Виктора Пакканена, Сергея Петухова, Анатолия Сергеева. Помню, будучи еще студенткой, впервые

пришла в кружок, когда его возглавлял Анатолий Иванен. Оставив стихи, несказанно удивилась, увидев в районной газете первую публикацию. А потом окунулась в семейную жизнь, появился ребенок, коммуналка, жилищные проблемы.

Несколько лет не появлялась там, а придя после большого перерыва, застаю прежних знакомых и нового руководителя — Логинова Юрия Ивановича с его друзьями из питерского ЛИТО «Сигнал», которое он возглавлял до недавнего времени.

«ПАМЯТЬ НА ДОБРО...»

Помню Анатолия Ивановича Сергеева, поэта, прозаика, историка, переводчика с древнегреческого языка. Он редко посещал наши занятия в связи с болезнью сердца. Но когда бывал, внимательно слушал, а мы ловили его ценные замечания и дорожили его мнением.

Однажды встретились с ним на улице возле кинотеатра «Руслан», присели на лавочку. У меня как раз написалось одно большое стихотворение:

Мое начало — в глазастых детях,

в глядящих строго со стен портретах.

Мое начало — уже далече,

а мне всё мнится — иду навстречу...

Делюсь:

— Анатолий Иванович, у меня такое ощущение, что с возрастом в творчестве я возвращаюсь к самой себе, к той маленькой девочке, обретаю себя...

— Тонечка, так еще древние греки говорили, что жизнь — это путь к себе...

В июле 2001 года его не стало.

Конечно, скупы мои слова. Насколько Анатолий Иванович — знаток латинского языка, богатая творческая личность, оценить можно по его произведениям. При чтении станет близким всё, что он любил, вы увидите древнеримские улицы, мальчишку, который станет поэтом Овидием, ощутите запахи цветущих деревьев, подслушаете разговоры жителей, очаруетесь нежным поэтическим слогом.

Читая его прозу, безошибочно определите в авторе поэта, хотя книжки своих стихов он не успел выпустить, а при первой же возможности

опубликовал свое любимое детище о Древнем Риме: роман об Овидии и повесть о Спартаке.

Вот несколько стихотворений Анатолия Сергеева:

* * *

*Снежинкой позлащенной в рассветной тишине
от высоты бездонной являешься ты мне,
виденье жизни цельной, деяний и мечты,
о Знаменская церковь, криница чистоты!..
Стихает ветер снежный, признания шепча,
и слышится, как нежно в тебе горит свеча.*

* * *

*В чужих ларцах исчезнет серебро,
Парча истлеет. И погаснут свечи.
Останутся лишь память на добро
Да свет зари. И тайна русской речи...*

«Останутся лишь память на добро...» Светлая память вам, Анатолий Иванович...

АЛЕКСАНДРА

*По листьям, хрупким от мороза, — отсюда прочь!
Прости, не прихоть и не поза, так надо — прочь!
Бежать, ладонью вспоминая твою ладонь.
Мной не заслужена, я знаю, твоя ладонь.
Уснуть и выдумать — так легче — себе тебя,
спасая от пурги сердечной себя, тебя...*

Это стихи любимой Александры Берг из Сестрорецка. Берг — псевдоним. На самом деле — это Танечка, многодетная мама, врач-педиатр, посвятившая жизнь детям.

Танечка — моя совесть. Для меня ориентиром служит ее стихотворение:

*В путь-дорогу богатырь собирался,
в поле выехал, чуть свет занимался.
Свечерело, все пустырь да безлюдье,
вынес конь богатыря на распутье.*

*Три дороги разбегаются в поле.
Выбирай же, час настал, свою долю.
Серый камень над дорожною грязью,
а на камне письмена древней вязью:*

*«Вправо ехать — живу быть, коня лишиться,
влево ехать — пировать да жениться.
Ну, а прямо ехать — живу не быти,
буйну голову за правду сложити».*

*Каркнул ворон на закат, дело к ночи.
Неба край багров, что кровь, смерть пророчит.
Богатырский вздох тяжел, полной грудью.
На распутье богатырь, на распутье.*

*Лишь минуту постоял, думу думал.
Затянул туман поля, ветер дунул.
Лишь минуту помолчал, помолился,
на четыре стороны поклонился,*

*в складки губ упрятав горечь упрямо:
«Помогай нам Бог, — сказал, — едем прямо!»*

ДВЕ РАДУГИ

Случайны ли встречи с людьми и как влияют они на наши судьбы? Мне думается, что каждая встреча меняет нас и предопределяет следующие события. Некоторые люди оставляют значительный след в душе, и мы после оплакиваем их, как самых близких родственников.

— Никогда не лукавьте в стихах, — наставлял нас Юрий Иванович, руководитель нашего ЛИТО.

Когда его не стало, я пережила утрату, сравнимую со смертью отца. В ночь с 13 на 14 октября Юрий Иванович вместе со своей женой Тамарой Александровной Никитиной навеки уснули, отравившись во сне угарным газом от пожара на кухне. Нелепая трагедия. По-видимому, незатушенный окурок был брошен в мусорное ведро, отчего и произошло возгорание на кухне.

Когда мы подъезжали к крематорию, на небе в проеме хмурых темных туч взметнулись две радуги — и так символично, как будто две души соединились в небесах. Завороженные, мы смотрели из автобуса на явление чуда — на двойную радугу, и каждый думал об одном и том же: они вместе, рука об руку — там соединились.

Он был оптимистом. Не лень было ему, 65 лет от роду, через каждые две недели со Ржевки ехать в Пушкин, где мы читали и обсуждали стихи. Слушали его самого, не стесняясь критиковать.

— Хорошо, я подумаю... — лукаво улыбался он на критику.

И какими хитрыми при этом были его глаза — как у кошки, играющей с мышками. С чем-то соглашался, против чего-то тактично возражал. Потом шли в кафе пить пиво или кофе, продолжая беседы, так как из библиотеки, где заседали, нас через полтора часа выгоняли.

С трудом, опираясь на палочку, садился он в автобус, когда мы прощались с ним на Ленинградской улице. Часто провожали до вокзала, а потом на электричке он уезжал в Питер с попутчиками из ЛИТО — Витей Кудрявцевым, Надей Вороновой, Георгием Морозом, Сашей и Светой Мефодьевыми, Володи Шуваловым, Александрой Берг, Сергеем Березиным.

*Противник пафоса и фальши,
сам бессребреник-пиит,
И мнится: лучезарный мальчик
устами старца говорит...*

ПАВЛОВСК

Ведь это Юрий Иванович сказал мне однажды: — Тоня, в Павловске организуется областной писательский союз, тебе нужно туда вступить.

— Зачем? — спрашиваю. — Мне у нас нравится.

— Денег на книжку у тебя нет, а там собираются публиковать бесплатно. В районной же газете убрали «Литературную страничку», вместо нее теперь реклама. О тебе должны знать. Мне звонил Юфим Саня, который руководит там. Я рекомендую тебя в союз от Пушкинского района.

В очередную субботу, в июне 2000 года, еду в Павловск. Около Дома культуры вижу и догадываюсь по облику, что это и есть Юфим Саня. Подойдя, поздоровалась и познакомилась с будущим своим мужем.

13 июня 2002 года. Последний день рождения Юрия Ивановича. Ему сын Илья прислал денег с Севера, где работал, и Юрий Иванович решил сделать шикарный стол. Были Саша и Света Мефодьевы, Володя Шувалов, Александр Беленький и я. Праздничный ужин готовили сообща, помогая Тамаре Александровне. Я чистила на кухне селедку для салата «под шубой». Наконец сели за стол. Все было просто, как в узком семей-

ном кругу, где люди давно знают друг друга и как будто сроднились. Читали стихи, обсуждали новости, сплетничали.

Юрий Иванович подтрунивал, шутил, много смеялся. Он вообще был весельчаком, несерьезным, как пацаненок. Легко признавался в своих слабостях, грешках, как он выражался, был настоящим эпикурейцем.

Ко дню именин Тамары Александровны он посвятил стихотворение:

*Бывает, что неведомо откуда
над головою птица промелькнет, —
и в сердце свет
предошущенья чуда!
Вдруг исчезает
бед постылых гнет.
Иль так бывает,
что из вешней сини
незримый кто-то посылает луч, —
и ты воспрянул, обретая силы,
и в сердце снова — животворный ключ!
Предвечных тайн
неизъяснимы сроки.
Жить нелегко,
препятствия круша.
Отрадно знать,
что мы не одиноки,
пока не слепнет в немощи душа.
Земной удел неизмерим годами!
И, чтоб исполнить нам судьбы завет,
незримо реют ангелы над нами
и посылают нам надежды свет.*

Всегда поражалась его веселости. Мне казалось: как человек, еле волочивший ногу, может быть таким счастливым? Мне бы подобный недуг навсегда отравил настроение, не смогла бы ни на минуту, наверное, забыть о своей ущербности. Восхищаюсь подобными людьми.

Никто не предполагал тогда, что через четыре месяца его не станет вместе с Тамарой Александровной, а спустя несколько месяцев в Нарьян-Маре скоропостижно скончается их сын Илья, мой ровесник, у трапа самолета на Санкт-Петербург...

Каждый раз, проходя или проезжая на автобусе мимо библиотеки, где заседали, вспоминаю Юрия Ивановича. Там уже всё перестроили. За огромными стеклами-витражами не

видно на обычном месте стола, за которым он сидел. Зал арендуют различные организации для религиозных мероприятий, на них собирается немало народу, не то что на поэтические вечера, которые проводили мы. Что же, это тоже примета времени.

Об этом времени одно из последних стихотворений Юрия Логинова:

*На пограничной кромке света
всех птиц я проводил во тьму...
Прощаюсь с проходящим веком,
но нет прощенья ему!
«Смирись! — мне голос
тихий шепчет, —
найди попробуй добрый след...»
Но все во мне противоречит:
— Нет, — отвечаю, — нет и нет!
Черны истории скрижали...*

ПОЕЗДКА НА РОДИНУ

Летом воплотилась мечта: показать подрастающей восьмилетней дочке дом, в котором родилась, речку, лес, словом, родные места, куда ни разу после смерти мамы не ездила. В оставленном за тысячу верст доме разрешили жить дальним родственникам, с которыми собственные родители не желали делить кров: молодые любили выпить. А избу надо протапливать, иначе сгниет.

Итак, поехали. Думаю: на одну ночь и назад.

Приехав, говорю по дороге Юле:

— А вот и дом. Видишь высокое крыльцо, а слева синий почтовый ящик для писем и газет? А вот и в избу заветная дверь. Высоченный порог, через который перешагнет только школьник, малышу не выбраться. Вот печь-хозяйка. Сколько пеклось в ней блинов, пирогов, ржаных сочней, картофельных шанег, смазанных сверху маслом и посыпанных толочком. Зимой после забав на улице печь отогревала нас на теплой широкой спине, как на слоне или сказочном добром чудище с огромной пастью — челом. Оставшийся жар закрывали заслонкой. На столе неизменно стоял вот такой самовар, нагреваемый углями. Ах, Юля, если бы встретила нас мама...

ВОДКА ПЛЮС «ФЕНАЗЕПАМ»

Мы здороваемся с временными жильцами. Остановились с Юлей на ночлег в родном доме, а как будто в чужом, все незнакомо. В рамках, сделанных руками отца, вместо фотографий близких во вкусе новых хозяев висят дешевые китайские картинки. На них глумливо ухмыляются парочки молодых людей в пошлых, неприличных позах. Выпотрошенные фотографии нашла на чердаке под восьмилетней пылью — оскверненные, засиженные мухами.

За 8 лет произошли изменения: в деревне появились поселенцы из мест не столь отдаленных, заселившиеся в пустующие ветхие дома. Нигде не работающие, занимающиеся воровством с чужих огородов и пьянством, они нездорово влияют на вымирающее коренное население, спаивая одиноких стариков.

В гости заходит завсегдатай родственников, приехавшая откуда-то с Дальнего Востока кареглазая Жанна, пенсионного возраста, всю сознательную жизнь проведшая в тюрьмах. Последние десять лет отсидела на Колыме за убийство. По «легенде» — убила мужа подруги, который избивал свою жену.

А дело, по ее версии, было так. Отсидев очередной срок за воровство, детдомовка Жанна, отроду не знавшая родителей, навестила подругу, а увидев, как ту регулярно бьет муж, говорит однажды:

— Давай замочим его и закопаем в колодце.

Так якобы и сделали. Подпоили, насыпав «феназепам» в водку, и убили, а труп бросили в высохший колодец во дворе и забросали хламом и землей.

Но приехавшие следователи заподозрили убийство, собака вывела к заброшенному колодцу. Раскопали...

Всю вину Жанна взяла на себя, потому что у подруги, по ее словам, было трое детей, и отсидела положенный срок...

На сей раз, усевшись за стол, развеселая Жанна поет похабные частушки, вместе с родственниками разливает водку и, отвлеченная еще одной собутельницей, не замечает, как хозяйка бросает в ее стакан несколько таблеток «феназепам».

— Вы что делаете, уморить ее хотите? Разве

можно эти вещи совмещать? — спрашиваю тихо.

— А ничего не будет, только крепче выспится. Я всегда мужику в водку кладу, напьется и спит тихо, звереть перестал. Недавно брюхо сам себе ножом распорол. Кинулся на меня с ножом, а я сковородой защищалась. Зашили в райцентре. А таблеток по бесплатному рецепту сколько хочешь бери...

Таким образом, Жанну «вырубают» на двое суток, как конкурентку по выпивке, уводя спать на чердак...

ДЕГРАДАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Считаю: как возможен процесс одомашнивания, так же возможен и обратный — процесс одичания, как животных, так и человека. Глядя на лица, безошибочно определяешь деградацию даже по внешним признакам. Безусловно, слабым, обиженным природой и жизнью людям наиболее трудно. Ведь злополучная Жанна совсем не помнит отца с матерью. Кто они? Тайна, покрытая мраком. Была же она чьим-то ребенком, а может, дитем репрессированных когда-то родителей, поскольку рождена в тюрьме. Кто же виновен в ее падении, каковы истоки его? Что хорошего видела она на своем преступном веку и думала ли о смысле своего существования? Скорее, нет.

А пьянство ведет человека (хоть семи пядей во лбу!) прямехонько к оскотиниванию. И неисчислимо количество жертв пьянства именно в нашей несчастной стране! Сколько судеб разрушенных, сколько детей обездоленных, лишенных отеческой ласки, помощи, любви...

И как падки подростки на банки с напитками-суррогатами, содержащими этиловый спирт и синтетические вкусовые добавки: бросаются на них, как коты, дуреющие от валерьянки. Разве нормальна эта страсть? Что же будет дальше, кто остановит вяло ползущий алкоголизм? Все не так безобидно, как кажется, не говоря уже о здоровье будущих чад.

Много ли у нас в стране здоровых детей? Статистика ужасает. И растет число калек от пьяного зачатия. А далее цепная реакция: что они передадут по наследству своим детям, внукам? Какой опыт? Ведь даже обезьяну старшие в семье обу-

чают до пятилетнего возраста, как стать полноценной матерью. Рожденная в неволе, без родителей, лишенная семьи, она напрочь утрачивает материнский инстинкт и обрекает своего рожденного детеныша на голодную смерть. Она даже не догадывается приложить малыша к груди и оставляет его умирать от голода. Нет, его, конечно, спасут, видя атрофию материнского инстинкта, выкормят искусственно. Даже животное! Что говорить о человеке! Я чувствую катастрофу, мне жаль будущих детенышей.

И вот это добровольное одичание творится в доме, который я почитала святым...

Вся поездка уместилась в стихотворение «На пороге»:

*И нет в отчем доме былого убранства, утрачен уют.
Знакомые лица опухли от пьянства, с трудом узнаю.
А в красном углу — под самой божницей —
картинки висят,
повсюду со стен похотливые лица глумливо глядят.*

*У новых жильцов есть одна лишь отрада —
хмельная вода.
Бежать бы из этого дома мне надо, да на ночь — куда?
Они же, напившись, дерутся,
как звери, вокруг всё круша.
В угарном похмелье их облик потерян, но где же душа?*

*А мне бы до завтра в углу притулиться,
к могилам сходить,
нарвать васильков, той земле поклониться,
на речке побыть...
Мне всё в этом доме уже незнакомо, шагнул за порог —
каким же ты в детстве казался огромным,
прощай же, на старости лет оскверненным,
храни тебя Бог.*

Подумала, уезжая: не сожгли бы по пьянке дом, срубленный еще дедом. Но некому его стеречь...

Одно утешает на родине: самовозрождается природа, когда о ней забывает человек. Радуют оживший ручей и выросшие вдоль него штук пятнадцать десятилетних пихт, как будто защищающих ручей от высыхания. Какие-то птички «посадили» их, когда пили воду. Каждой пихте пожала на прощание лапу, чтобы берегли ручей.

Господи, хоть бы их никто не додумался срубить!
На местах прежних вырубков вырастают леса,
правда, большей частью лиственные, но и то хо-
рошо. Не умрет уже речка.

На железнодорожной станции перед отходом
поезда зашла к хорошим знакомым. У них в гос-
тях забавная соседская девчущка четырёх лет.
Знакомая попросила ее спеть частушки, и та
охотно их озвучила:

*Я девчонка заводная с прицепным характером:
прицеплюсь к какому парню —
не отцепишь трактором...
Мама печку затопляет, угольки холодные,
папа деньги пропивает, мы сидим голодные...*

ПОД СТУК КОЛЕС

Едем в поезде. Вечер. Юля уснула, а я гляжу в
окно на проплывающие пейзажи Вологод-
чины, и под стук колес выстраиваются строчки:

*«Лечу к тебе, спешу к тебе» — стучат колеса поезда.
Застыл туман, прильнув к реке, она под ним покоится,
в объятьях нежных замерла и, умиротворенная,
уснет до самого утра, днем жарким утомленная.*

*Мне так уснуть не суждено, осталось сказку выдумать,
глядеть в вагонное окно и речке той завидовать...
К кому лечу, к кому спешу обратную дорогою —
вот этой роце расскажу да месяцу двурогому...*

РЕАБИЛИТАЦИЯ

И все же какое-то время не на месте была ду-
ша, когда вспоминала об оставленном доме.
Через год в дождливый пасмурный день пле-
лось, как кружево, стихотворение, оказавшееся
реабилитацией, возрождением памяти о роди-
тельском крове, о святом для меня доме, в кото-
ром прошло детство.

1

*Оживёт в душе наречье — вологодский говорок,
мое детское запечье, пред челом печи шесток.
Над опечком три ступени на полати вознесут,
круторогие олени на простенке воду пьют.*

*Очеп к матице приплюснут, перехваченный кольцом,
в зыбке, сробленной искусно, спит дитя невинным сном.
Лишь ребенок шевельнется — очеп с люлькою качнется,
как живое существо, — убаюкает его.*

*Дедом срублен дом высокий, и венцов его не счесть,
над речушкой волоокой журавлем глядит окрест.
Над столом в углу божница, за лампадкой образа,
а на избице светлицы всполохнет детей гроза.*

*Полог там шатром огромным,
как в стручке — детишек ряд.
По тесинам хоромным каблучки дождя дробят,
да не стукотно, а мягко. Усыпляет деток сладко,
кружит песенка дождя, грустью сердце береда.*

2

*Поутру томится тесто, пухнет и вздыхает.
На почётном, видном месте самовар сверкает.
И кровать стоит невестой — замуж выдать впору,
накидушки на подушках, убрана в подзоры.*

*Ох и басок край подзоров с трех сторон кровати:
кружевных ее подолов хватит на три платья.
По избе форсила в детстве в таком убранстве,
мнила из себя принцессу в тридевятом царстве...*

*Где та глупая девчущка, вся из тряпочных затей,
в накидушке на макушке, словно свадебной фате?
И зачем картинки эти память цепкая хранит,
на забытом диалекте рассказать о них велит?*

*Светлой памятью о маме те картинки оживут.
Строгим взглядом деда в раме Бог смотрел на тот уют.*

Стало хорошо на душе, как будто сбросила
какую-то тяжесть, исполнив долг перед па-
мятью о близких.

Да, так было. И мне видится двухэтажная
светлая изба, срубленная дедовскими руками
из столетних сосен, а в ней любящие меня ли-
чки отца и матери...

ЮФИМ

По субботам я беру Юлю с собой на заседа-
ния в Союз писателей. Мы сидим, обсуж-
даем чьи-то стихи, рассказы, а Юля рисует.
Потом всей компанией идем гулять в парк.

Юля со всеми познакомилась, в том числе и с Юфимом. А он любил бегать с ней в догонялки, играть в прятки в парке.

Возвращаемся с ней под вечер. Подходя к дому, она сетует:

— Как бы я хотела, чтобы у меня был такой папа, как Юфим. Он такой добрый, веселый. С ним так интересно.

«Ничего себе», — промолчала я.

— А у него есть дети? — спрашивает.

— Есть большой взрослый сын, живет далеко. А больше детей нет.

— А-а... — подумала она о чем-то своем и замолчала.

А как я относилась к Юфиму? Да как к другу, даже брату. Я знала, что он женат. Он казался мне очень похожим на моего старшего брата Толика, именно своей добротой, участием. Познакомившись со мной и узнав о моей жизни (а что о ней узнавать, когда она в моих стихах как на ладони), он воскликнул:

— Как же мне жаль вас, российских женщин, замордованных жизнью, забывших о себе. На руках бы вас носить, как королев... Где же настоящие мужики? Почему они такие слабаки? Куда они смотрят?

Юфим признался, что влюблен в молодую женщину Лиду, посвятил ей книгу, зовет ее поехать с ним в Москву, где ему предлагают работу. Если она согласится, он тут же разводится с женой и женится.

Я знакома с Лидой. Как-то на вечере, оказавшись рядом, советую ей:

— Мне кажется, Юфим хороший человек, жалостливый. Поезжай с ним. Он любит тебя. Я доверилась бы ему.

Она грустно промолчала, выглядев какой-то неуверенной, пришибленной, несчастной. Хотелось пожалеть, утешить, что все будет хорошо.

— У меня жизнь гораздо проблематичнее, да я не унываю. Давай не трусь и решайся на этот шаг. Я бы на твоём месте согласилась, Юфим кажется мне добрым, умным, — настаиваю я.

Из слов Юфима знала: у Лиды пьющий муж-сантехник, регулярно избивающий ее, и 8-летний сын, на глазах которого это происходит.

Но у Лиды свое на уме, она не связывала судь-

бу с Юфимом. Хотя с мужем вскоре развелась. Таким образом, Юфим получил от ворот поворот, но на Лидину жизнь всё же повлиял.

При очередной встрече с ним говорю:

— А все-таки я рада, что ты не укатил в Москву. Жаль было бы больше не видеться с тобой. Хорошо что остался.

Под Новый год, танцуя со мной, он поцеловал меня в шею, а выпив шампанского, стал жаловаться на судьбу.

— Ничего, — говорю, — что ни делается — все к лучшему. Ты такой хороший, еще встретишь кого-нибудь, кто полюбит тебя и пойдет за тобой на край света. Не печалься!

После праздников 3 января договорились поехать вместе на литературный вечер в арт-кафе. Позвонив мне после обеда, предлагает:

— Приезжай сюда в Дом культуры, а потом поедем на электричке.

Я, конечно, без всякой задней мысли соглашаюсь: рада пораньше выпорхнуть из дома. Подходя к Дому культуры, где он работал, вижу Юфима, уже на улице ожидавшего меня. Поднимаемся к нему в кабинет, за дверью — по-новогоднему накрытый маленький столик с шампанским, шоколадом, и я догадываюсь, что это все для меня.

— Что это ты задумал? — спрашиваю.

— А я решил: почему такая прекрасная женщина пропадает?

— А как же Лида? Неужели у тебя к ней все угадало?

— Лида с мужем-пьяницей развелась, уволившись с работы и сняв в городе комнату. У нее, оказывается, есть возлюбленный, с которым она давно встречается. Я все-таки благотворно повлиял на ее судьбу. Но ее для меня больше не существует.

— А как же арт-кафе, мы опоздаем?

— Давай отменим поездку и побудем вдвоем.

Я удивлена, растеряна. В голове моей мешанина: как же можно так быстро забыть об одной и перекинуться к другой?

Но понравилось целоваться с ним. Все было неожиданно и похоже на забавное приключение. И все равно, то ли из-за духа противоречия, после этого свидания написалось злое стихотворение, посвященное Юфиму:

*Сердце мое не трепещет, не для тебя губы.
Ты пишешь нежные вещи, а помыслы грубы.
Меря одной меркой, меня не прочтешь книгой
и не заманишь в клетку, татарское иго!*

*Я непростой орешек, хоть и кажусь слабой,
ты же во мне, грешник, видишь одну бабу.
В поисках слабого места не ожидал силы?
Сладость твоих песен приторна мне, милый.*

*Дай остужу тебя сим ледяным душем:
ты потерял время, не потеряй душу.
Замысел твой коварен. Жребий же мой брошен:
я ведь ярмо, татарин. Мало тебе ноши?*

Удивительно, но он не разозлился, а даже наоборот, был польщен.

У нас был длительный период противостояния, взаимного недоверия, разрывы. Он болезненно реагировал на критику своих стихов. А я еще та коза... Но отношения развивались таким образом, что нас тянуло к общению, после чего мы снова ссорились и расставались каждый раз, казалось, навсегда. Друзья настолько привыкли к нашим размолвкам, что, когда он начинал жаловаться — поднимали на смех и не соболезновали: мол, да-да... Я обзываю его флюгером, переметнувшимся в другую, то бишь мою, сторону. Не могу понять логику поступков и забвение им Лиды. Примеряю ситуацию к себе и вижу перед собой легкомысленного безответственного человека, на которого нельзя положиться и быть уверенной в его чувствах и словах.

Он пытается доказать обратное. Часто звонит, прибегает ко мне на работу в обеденный перерыв, балует меня, как ребенка, вкусным йогуртом, любимыми сырками. Порой его мальчишеские выходки обезоруживают. Как-то, встретив меня с работы, взял мою руку и, смущаясь, как мальчик, надел мне на палец обручальное кольцо.

ПАПА

Мне хорошо, уютно с ним. Нравится его забота обо мне как о женщине. Нравятся его ухаживания, свидания с цветами.

Нельзя сказать, что все было просто. Я не верю в его влюбленность, принимаю за шутку, за вре-

менное отвлечение. Не воспринимаю всерьез.

Но с этого дня мы почти не расстаемся.

Нам хочется чаще встречаться, общаться. Особенно счастлива Юля.

Однажды, играя в парке с Юфимом в бадминтон, она окликнула его: «Папа».

На мой удивленный взгляд уверенно заявляет:

— Я не оговорила, я специально...

Юля сломала пальчик на руке. В школе на перемене, балуясь с девчонками и вырвавшись от них, бросилась по коридору и, наткнувшись на стоявшего за углом дежурного старшекласника, сломала о его грудь мизинец.

— Грудь-то ему не проткнула своим дохленьким мизинцем? — спрашиваю.

— Нет, конечно, — отвечает плача.

Юфим водит ее в поликлинику на физиопроцедуры, встречает меня с работы, и мы вместе гуляем. Родной отец вышел из доверия, и в школу ему запрещено ходить за Юлей после преследования знакомых, вынужденных прятаться от него за колонны в школьном вестибюле:

— Ноги переломаю, если подойдешь к моей жене, — пугает мою подругу Ольгу, пришедшую в эту же школу за своей дочкой.

ШИШКА

Как-то летом сидим в парке за столиком. Юфим пьет медовое пиво. На край его тарелки из небольшой пивной лужицы пытается полезти опьяневшая оса. Юфим тут же пальцем сбрасывает ее назад на дно тарелки. Мне этот жест показался ужасно жестоким. А он только хохочет, находясь под пивными градусами и не реагируя на мои слова.

На аллее я подобрала еловую шишку, похожую на свернувшегося в клубочек ёжика. Юля воткнула между чешуйками шишки черёмуховые цветки и назвала «балеринкой».

Я показываю Юфиму:

— Смотри, какая нарядная!

А тот, едва взглянув, размахнувшись, швыряет «балеринку» далеко в кусты. Опешив от его дурацкой выходки, побрела искать шишку. Хорошо, Юля не стала свидетелем кошунства, отбежала куда-то в сторону.

— Моли бога, что ребенок не видел! — ругнулась я, найдя «балеринку».

Шишка долго еще хранилась как безмолвный укор того дня.

Оправдать подобные выходки Юфима можно только его состоянием подшофе.

В Юфиме каким-то странным образом уживаются вспылчивый мальчишеский характер, отеческая, трогательная забота и галантные манеры. Порой ведет себя как несносный хулиган и тут же может превратиться во влюбленного, тонкого, возвышенного романтика. А то, как мамканышка, трясется надо мной, окружив заботой. И я, подобно эху, отвечаю соответственно его поведению. Ругань сменяется волной нежности, ощущением покоя и душевного родства. Мы все больше привязываемся друг к другу. Он угадывает мои желания, предупреждает их, очень проницателен, безошибочно улавливает мое настроение. Такое впечатление, что он стремится даже постичь мои мысли, пытаясь проникнуть в них.

Ошибается, напрасно ревную меня к моим прежним знакомым. То ему кажется, что он слишком стар для меня и я мечтаю о ком-нибудь другом. Чем можно объяснить его ревность и резкую смену настроения, начиная с эйфории и кончая ссорой, размолвкой и испорченным настроением? Убеждена, что это связано с легкими выпивками. Я не считаю пиво таким уж безобидным напитком, да еще известного качества — какого-нибудь концентрата, разбавленного водой и законсервированного спиртом. Бедные отечественные желудки... И нервы родных, которые, слава Богу, хоты и треплются, но все-таки восстанавливаются.

СОЛОМОН

Итак, Юфим — это мой идеал друга и любимого человека.

Отведя Юлию на тренировку, мы идем с ним по городу, я гляжу искоса на него, удивляясь его разумным доводам, а в голове рифмуются строчки:

*Ты мой царь Соломон, так же мудр и умен.
Я твоя Суламифь, и в меня ты влюблен.
Из далеких времен я пришла, как мотив.
Узнаешь ли свой сон, в нем свою Суламифь?
И тебе ли не знать, как легко нам вдвоем.
Я останусь печатью на сердце твоём...*

Гляжу на него и думаю: «Я люблю тебя». Но вслух — ни гу-гу, молчок. А потом, я еще не уверена в своих предчувствиях. И вообще, я не уверена в будущем и просто радуюсь настоящему дню, этой прогулке, состоянию души, нечаянным стихам.

Мы решили снять комнату для офиса, вскоре создав из нее уютный уголок, где приятно находиться в свободные от основной работы дни и заниматься издательской деятельностью. Сканирую материалы, учусь верстать книги. Мой «учитель» Сергей, замечательный друг, у которого двое славных и таких же умных, как он сам, детей: мальчик Алеша семи лет и пятилетняя Марина. Иногда он приводит их в офис, мы пьем чай, смотрим «Гарри Поттера». С детьми интересно, радостно.

Как-то Сергей снимал их на видеокамеру. Марина, нечаянно пукнув, поинтересовалась:

— Ты сфотографировал мое пердение?..

У детей многому можно поучиться нам, взрослым. Они плавают наши души, как воск, не дают зачерстветь.

Юля в порыве нежности заявила мне:

— Когда ты станешь старенькая и умрешь — я все цветы мира на твою надгробье положу...

Сложные эмоции от подобного заявления.

Прочитав сказку о золотой рыбке, посетовала:

— Попросил бы старик у золотой рыбки бабушку новую, с ласковым лицом.

Учу ее играть в шахматы. На мою фразу, мол, съела твоего коня, укоряет:

— Убить животное! Так жестоко!

Срисовала сойку саксаульскую из «Юного натуралиста». Советую:

— Подпиши, что за птица. А то забудешь, как зовут.

— Я только имя напишу, а фамилию не буду...

Юлина подруга Катя живет этажом выше, из обеспеченной семьи. Смотрю, по очереди пишут на листочек:

Юля: «Катя, зачем ты приносишь те вещи, которых нет у меня?»

Катя: «Если ты думаешь, что я тебя дразню, тогда не смотри, что я приношу».

Юля: «Ладно, я не буду смотреть».

Сокрушается:

— А я не смогу денег накопить, потому что у меня такая нужда что-нибудь купить!

В школьном сочинении на тему «Я самое большое чудо на свете» в 8,5 лет пишет:

«Я — самое большое чудо на свете, потому что когда я родилась, то весила меньше Катиной кошки. А теперь 21 кг по сравнению с Катиной кошкой. Я умная, умею читать, писать, разговаривать. Думаю, что я добрая: если рядом стоит человек, то я вижу всю боль у него в сердце. Я хотела бы увидеть Деда Мороза и Снегурочку, но настоящих, не переодетых. Я знаю самую большую тайну на свете, но никому ее не расскажу...»

Юфим приезжает не каждый день. Когда мы бываем в ссоре, он неделями не появляется. А потом влетает как на крыльях, подхватывает меня на руки и начинает кружить по комнате. Все мои упреки для него — как с гуся вода, и я не могу сердиться, и всё ему, паразиту, прощаю.

Свои скопившиеся на Юфима обиды за его пренебрежительное отношение ко мне вымещаю таким образом: завидев его из окна, подкарауливаю, как кошка, встав в комнате за углом, за шторой, и, резко высунувшись, издаю шипящий звук. Громко рявкнув, Юфим подскакивает и, как будто обороняясь от невидимой угрозы, несколько секунд прыгает козленком по офису. Разве можно отказаться от удовольствия созерцать подобные мстительные сценки?

Но вскоре у него появилась привычка входить в комнату, предварительно широко распахнув двери и с минуту постояв в коридоре. «Разминировать» угрозу, безопасно шагает за порог.

Каким несерьезным он казался мне, довольным, счастливым, будто его всё устраивает в жизни. Рад меня видеть, но запросто может обойтись и без меня. Так думалось мне, а он поведением своим только подтверждал суждения на его счет.

Жалуюсь Сергею, возмущаюсь, а тот успокаивает:

— Да ладно, не беспокойся ты ни о чем, а проси учишься, работай. Никуда он от тебя не денется.

Однажды Юфим решил сделать подарок: привел в ювелирный магазин и купил золотые серьги и кольцо с серо-голубыми топазами, под цвет глаз. Конечно, удивлена, очастливлена его выходкой. Но поступки его кажутся спонтанными, и я подозреваю: не жалеет ли он после о содеянном? Все же я чересчур пристрастна к нему, выискивая повод уличить

в чем-нибудь. Зато как приятно убеждаться в обратном!

КРАЖА

Вскоре Юфим настоял, чтобы я уволилась с работы и занималась только издательством. Получила расчетные, отпускные (огромная для меня сумма, шесть с половиной тысяч), захожу вечером в магазин «Одежда» за полчаса до закрытия. Подойдя к детскому отделу, спросила белые колготки для Юли. Продавец перебирает их, но не может найти без рисунка. Чувствую, что за спиной кто-то прошел, задев висящую за плечом сумку. Успела подумать: магазин пустой, кому это приспичило пройти, тесно прижавшись ко мне. Даже не оглянулась на прошедшего сзади человека. Ничего не подобрав для Юли, направилась к выходу. Положив руку на сумку, обнаруживаю, что она открыта. Закрываю ее, мысленно сетуя на замок.

Сажусь в автобус и еду домой. Выйдя на остановке, захожу в продуктовый ларек. Взяв сыр, масло, лезу в сумку за кошельком и не нахожу его. Вытряхнув содержимое сумки на прилавок, вижу разрезанную подкладку и догадываюсь о краже.

Испытываю шок. Впереди неизвестно сколько дней жить, а у меня ни копейки. Дома дети...

Захожу в квартиру — навстречу с плачем Юля:

— Мама, у меня сегодня в школе вытащили кошелек с пятьюдесятью рублями...

— А у меня сейчас выкрали все заработанные деньги: расчетные, отпускные, квартальные, которых хватило бы на два месяца... — сообщаю детям.

— Мама, сколько раз тебе говорить: не носи сумку за спиной. Надо носить под мышкой, как в городе женщины носят. А ты как в деревненосишь, — ругается на меня сын, — и выбрось свою сумку!

— Ребята, я не знаю, как мы будем жить дальше...

На другой день перезаняла немного денег. Но рана от потери ноет, не помогает и карнегинский метод. Мысленно разбиваю бутылку с молоком, выливаю в раковину и все равно жалею о молоке.

ПОЖАР

Спустя два дня после этой трагедии утром включила стиральную машину и пошла в паспортный стол за новым паспортом в связи с обменом. Простояла в очереди два часа и, получив паспорт, не заходя домой, поехала в офис на работу.

На пороге встречает Юфим:

— Что там у тебя произошло в квартире? Я звоню, а мне пожарный отвечает: «В настоящее время в квартире пожар...»

Кинулась опрометью назад. Приезжаю, захожу в квартиру и не узнаю ее. Первое впечатление: я в угольной шахте с тускло мерцающей на потолке лампочкой. Всё черно — стены, пол, потолок. Толща сажи ровным пушистым слоем, как снежной порошей, покрыла пространство и предметы, находящиеся в квартире. Сын говорит:

— Хорошо, проснулся от дыма. Кошмар — ничего не видно и не понять, что происходит. Дверь на ощупь нашел, выскочил на площадку и от соседа Толика вызвал пожарных.

В общем, где тонко — там и рвется. Оказалось: загорелась стиральная машина, в которой накануне Володя поменял двигатель и насос. К старой итальянской машине пришпандорил русские запчасти.

После возгорания от машины остались только бетонная плита и барабан. Все остальное — испарилось к моему большому удивлению. Машина казалась мне металлической, даже предположить не могла, что в ней абсолютно всё горит.

Слава Богу, Сашка жив-здоров. Хорошо, пожар был локальный: выгорели пол в ванной и косяки. А вся жирная сажа и копоть от сгоревшего металлопластмассового корпуса машины осели всюду где только можно. Пол, стены и потолок неразличимы: ни признаков беленого потолка, ни знакомых обоев, ни линолеумного под дуб пола.

Открываю комод и удивляюсь: и туда проникла сажа! Не сажа, а всепроникающая радиация какая-то.

Забрав Юлю из школы, везу ее в офис, чтобы не травмировать ребенка послепожарным зрением.

ЖИЗНЬ В ОФИСЕ

Итак, мы остаемся в офисе. Делаем уроки, пьем чай и ложимся спать. Юфим остается в этот день с нами. Расположившись в соседней комнатенке на полу на матрасиках, мы долго не засыпаем, рассказывая анекдоты и смешные истории.

— Приходит к врачу пациент, — рассказывает Юфим, — а вместо врача прием ведет его друг, студент.

— Я вас слушаю, — говорит студент.

— Доктор, у меня запор.

Тот дает ему выпить пурген и отправляет вояси.

Второй пациент жалуется на кашель, но студент снова дает пурген.

Наблюдавший за приемом врач спрашивает, почему тот дал пурген кашляющему пациенту. Студент подводит врача к окну:

— Посмотри: вышедший больной за столб держится и кашлянуть боится...

Неустроенный быт не пугает. В электрочайнике варю пельмени, в тазике стираю. Я ни о чем кардинальном не думаю. Жизнь кажется какой-то нереальной. Как будто всё происходит не со мной или я со стороны наблюдаю за собой. Юфим иногда ночует в офисе, иногда у себя на «Стачках».

ТЕАТР АБСУРДА

Спустя полтора месяца, в декабре, иду в пятницу за Юлей в школу. После мороза и снегопада наступила оттепель. Метров за десять передо мной с козырька крыши на четвертом этаже обрывается огромная глыба изо льда и снега и — вдребезги перед моими глазами. По огромным осколкам льда пытаюсь представить, сколько килограммов было в этой глыбе... Что бы осталось от меня, подойди я на несколько секунд раньше к этому месту?

Наверное, был шок, потому что Лариса, мама Юлиного одноклассника, встретившая меня в вестибюле школы, тут же спросила:

— Что с тобой случилось? На тебе лица нет.

Присев на скамейку, тихо рассказываю ей о происшествии в последние месяцы и о только что миновавшей опасности.

— Ты что-то делаешь не то в жизни. Тебе нужно круто изменить судьбу, если такие события преследуют. Надо прервать цепь.

— Как же мне изменить ее? Вернуться в свой дом к умалишенному бывшему мужу и продолжать нести крест сестры милосердия?

— Не знаю, но ты должна что-то изменить в своем отношении к жизни. Давай я устрою тебя на новую работу там-то и там-то. Приедешь, оформишься.

— Хорошо, я подумаю. Может, ты и права.

На другой день появляется на пороге Юфим, и я говорю ему такие слова:

— Ты знаешь, ничего у нас с тобой не получится. Я отношусь к тебе как к брату. Я не люблю тебя и никогда не любила. Всё это ненастоящее. Спасибо за все и прощай. Мы с Юлей возвращаемся к себе домой.

Юфим молча выслушал меня, на лице не дрогнул ни один мускул. Возвратились с Юлей в свою квартиру, Юфим помог донести вещи. Оставшись одна, уже через полчаса чувствую, что не смогу без него, должна видаться с ним. Была суббота. На заседании писателей я не была. К вечеру позвонила в офис, телефон не отвечает. Приехала около восьми вечера. Никого. Лежит записка от Юфима:

«Я так больше жить не могу. А другом семьи быть не хочу. Прощай».

Ну что ж, вот и начались перемены, к которым меня склоняла Лариса.

На неделе прихожу в офис, кладу Юфиму на стол подаренные им кольцо и серьги с топазами.

Он, переложив на мой стол, тихо произнес:

— Ну что ты, это же подарок.

— Я не имею права, и уже ни к чему... — перекинула ему на стол.

Он молча взял и выбросил в урну.

Жаль, конечно, хороши были топазы...

Последовав совету Ларисы, устраиваюсь на новую работу, но в офисе остались дела, какие нужно закончить в выходной день. Через неделю звоню Юфиму и сообщаю об этом, в ответ слышу его веселый голос. Он, похоже, тоже рад и спрашивает, где я работаю, как меня найти. Заявляет как ни в чем не бывало:

— Я тебя встречу вечером на вокзале.

Увидев друг друга, расплываемся в улыбках, радуемся как дети, что миновала опасность раз-

рыва отношений. Юфим в порыве чувств заключает меня в объятия, и мы не хотим больше расставаться.

Через неделю я увольняюсь с новой работы, даже отказавшись от расчета.

Мое поведение, как в театре абсурда. Почему мы совершаем порой такие поступки? Сейчас я нахожу этому объяснение в своем длительном шоковом состоянии из-за потрясений, постигших меня в те месяцы: кража, пожар, ледовый обвал. До любви ли мне было? Всё выглядело в моих глазах деформированным, нереальным. Нет, я не оправдываюсь. Конечно, никто ни к чему меня не принуждал. Но я пыталась разобраться в себе, в своих чувствах, в отношении к Юфиму. И я не могла в полной мере доверять ему, зная, что он каждый день возвращался к своей жене, с которой и не думает разводиться. «Флюгер!» — продолжала я злиться на него за свою беспомощность. А потом сама же спровоцировала этот, теперь уже в прошлом времени, разрыв.

ОН МНЕ НУЖЕН

Временное расставание с ним отрезвило меня, заставило ясно увидеть, как он нужен мне. Только с ним душа моя на месте. Вот уж точно: оценишь — когда потеряешь. Иногда нам нужно потерять, чтобы удостовериться, что нам нужно больше всего, без чего уходит праздник, тускнеет мир вокруг и остаются одни дела и ожидание старости.

Весной Юфим отправил меня учиться на компьютерные курсы верстки и дизайна:

— Иди учись, будь более самостоятельной. Я хочу, чтобы ты была уверенной в жизни. Мало ли меня не будет рядом...

— Куда ты денешься?

— Умру скоро, я чувствую. Мне советовали шунтирование сделать, как Ельцину.

Звонит сестра жены с воспитательной целью, выясняет его отношение к оставленной жене. А он ей:

— Ты знаешь, я собираюсь на операцию, и неизвестно, какой будет исход. Шунтирование будут делать.

Та, конечно, опешила от неожиданного заявления и вместо атаки замолчала, обдумывая новые обстоятельства.

Если бы я знала тогда, что он шутит... Он стоит, отвернувшись к окну. А в моей душе такая трагедия... Ах, паразит, как он умеет играть на чужих нервах, чувствах!

Но я всё-всё прошу ему, лишь бы жил долго и счастливо и был здоров. А он действительно очень крепок здоровьем, слава Богу. Судя по тому, как подхватывает меня на руки и кружит, у него, должно быть, могучее сердце. А как наперегонки бегают, когда с Юлькой играет. Оказалось, бывший легкоатлет, спринтер, кандидат в мастера...

Но это я уже поняла позднее. А тут стою и жалею его, подойдя тихо сзади и обняв за спину.

Какой же артист! Разве можно на себя наговаривать. А еще хвалится, что несколько раз был в Китае. Там, я знаю, считается страшным кощунством наговаривать на себя какую-нибудь болезнь. Наоборот, даже если у тебя смертельный недуг, ты должен всех убеждать, что чувствуешь себя прекрасно. Такая у них философия. А тут...

Я принимаю жизнь такой, какая она есть. Мне она в целом нравится. Я свободна, никого не обманываю. Рядом со мной дочка, с которой много хлопот. Кроме художественной гимнастики, ей нравится петь, заниматься музыкой. Юфим все реже ночует у себя дома. Мы тянемся друг к другу и живем как семья. Юля называет его папой, а я не препятствую их отношениям как отца и дочери.

НОВЫЙ УГОЛ

В конце мая, вернее в день рождения Юли, встречаю утром знакомую по работе. Разговорившись, спросила, не знает ли она, кто сдает жильё поблизости.

— В моем доме есть квартира у знакомой, они не живут в ней, — дает мне телефон.

Зайдя в офис, подаю телефон Юфиму:

— Если тебя интересует — можешь позвонить.

Он тут же звонит, договаривается о встрече на вечер.

У Юли в этот день концерт в костеле. Они поют с подругой в хоре.

После концерта, послушав произведения, исполненные ангельскими детскими голосами, идем все вместе в кафе отмечать Юлин день рож-

дения, а потом к назначенному времени едем смотреть сдаваемую квартиру.

Юфим быстро договорился, заплатив за полгода вперед, и скомандовал:

— Завтра же перебираемся из офиса.

ГНЕЗДО

В один день мы переехали в однокомнатную квартиру, в которой никто еще не жил. Друзья на тележке перевезли вещи, в основном книги, бумаги.

У хозяев был домик с садом, и они не собирались выезжать. Квартира полгода пустовала, поэтому они обрадовались нашему предложению. Все взаимно были очень благодарны и довольны.

Началась новая веха в жизни. Сразу же отношения между нами прояснились. Юфим продемонстрировал серьезные намерения насчет меня.

За три дня купил всё необходимое для удобной жизни: стиральную машину, холодильник и мебель. А я начала благоустраивать гнездо, сшила шторы, привезла цветы и была несказанно счастлива, как будто только начинала жить. Всё было в радость...

Юфим ужасно смешит меня на каждом шагу, оговариваясь, как ребенок.

Я опробовала духовку — испекла пиццу. Поставила на стол, накрыв полотенцем. Сажу за столом, читаю, но боковым зрением вижу: Юфим подошел, откинул краешек полотенца, затем направился к буфетному шкафу. Задумался. Похлопав себя по животу, резко спрашивает:

— Ты не знаешь, зачем я сюда пошел?

— Знаю, — отвечаю.

Удивился:

— И зачем?

— За ножом...

Пытаясь примоститься к столу с какой-нибудь стороны, воскликнул, обращаясь к Юле:

— Юлька, ты, как царица, сидишь посередине — ни справа, ни слева тебя не обсесть...

Устанавливал компьютер. Присоединял провода, и его слегка ударило током. Поясняет, подразумеваемая статическое электричество:

— Долбанула моя статистика...

Спрашиваю, что за провод он выдернул у компьютера. Отвечает, имея в виду «мышку»:

— Этот желтый-зеленый — от лягушки...
 Демонстрирует мне свои очки:
 — Смотри, у меня дужка у очков доживает последнюю жизнь...
 Спрашиваю, будет ли есть? Восклицает:
 — Ты что! Мне пора уже перезагружаться...
 После критики г-м Щ-м моих публикаций о нем:
 — Прекрати записывать за мной! Штраус не разрешает...
 Как-то, отбиваясь от меня, воскликнул:
 — Отпусти меня, грехом молодости прошу!
 Напевает самодельную песню:
 «Ты меня не любишь, не жалеешь. Разве я немножко не того?»
 — Того, — соглашаюсь, смеясь.

СОЧИНЕНИЕ

Из Юлиного сочинения, написанного в 10 лет:

«Мой папа Юфим — замечательный, добрый, умный и очень смешной. Он каждый день, каждый час говорит смешные непонятные слова, и все мы каждый день смеемся. Мне кажется, мы самая веселая семья. У меня есть самая лучшая подруга Катя. Мы дружим с детского сада. Жаль, но я сейчас живу в Павловске, и мы с Катей не можем часто встречаться. Павловск — удивительный город, в нем очень красиво, тихо. На нашей улице очень редко ездят машины, автобусов вообще нет, но много нервных собак. Мой класс 5-в, по-моему, самый спокойный, талантливый из всех пятых классов. Я учусь в очень хорошей музыкальной школе...»

ГОСТЬЯ

Через три недели к нам заявила неожиданная гостья — жена Юфима, от которой он ушел, но не развелся.

Выйдя в пижаме из ванной, вижу ее в комнате сидящей на детском Юлином диванчике в боевой позе — нога на ногу, в сапогах, не хватает кожаной тужурки и красной косынки.

— Привет, потаскушка! — бравым тоном она приветствует меня.

Молча отвернувшись, прохожу на кухню, оставив их наедине. И все-таки мне жаль ее. Почему она обделяла Юфима теплом и лаской, несколько

лет живя с родным мужем через стенку? Как там у него в давнем стихотворении: «Ты все уходишь, милая, уходишь, сначала ложе перестав делить...» Не услышала его, сама отгородилась стеной, а теперь, похоже, спохватилась в отчаянии, что теряет и остается одна...

Не знаю, о чем уж они говорили. Четко печатая шаги, она так же воинственно, как и сидела, ушла.

— Она приехала, чтобы своими глазами убедиться во всем, и подает заявление на развод, — сообщает Юфим.

Молчу, не зная, что сказать, но внутри кипит злость за полученное оскорбление, перекинувшаяся и на Юфима. Это же благодаря ему я нахожусь в унижительном положении содержанки.

Через месяц они развелись, а на другой день после развода мы подали заявление в загс — не дала ему ни одного дня в мальчишках погулять, как сетует он шутя.

ЗАКОННАЯ ЖЕНА

Большой подготовки к свадьбе не было. Юфим купил мне костюм розового цвета, а друзья принесли фантастически огромный букет роз. И вот мы идем с ним на регистрацию. В загсе встречают десяток близких друзей, моя сестра. Ожидаем приглашения в зал. Юфим пошел покурить на черную лестницу.

— Юля, — прошу вслух дочку, — сходи за женихом, как бы он от нас не сбежал через черный вход.

Все, конечно, смеются.

Вечеринка была у нас в квартире, на кухне. Пили вкусное вино — из глиняных бутылок, ели мясо в чесночном соке, пиццу. Скромно, но, помнится, было вкусно и празднично, а гости довольны.

Вот так я стала законной женой Юфима, что для меня вовсе не пустой звук. Эта формальность затушила тайно тлеющую обиду от недавнего оскорбления.

— Какая ты злопомётная, — назвал меня Юфим.

Пожаловался на головную боль. Посоветовала съесть таблетку «парацетамола». Через несколько минут сокрушается:

— Даже твоя ё-п-р-с-т-молина не помогает.

ПРОРОЧЕСТВА

Убеждаюсь, что сбываются все пророчества Юфима, о чем бы он ни заикнулся, даже мимоходом.

Первое, что он заявил:

— Хочу сделать тебя счастливой; чтобы ты не работала физически, освоила компьютерные программы, занималась ребенком, любимым делом, издательством, литературой.

Заставив уволиться с прежней работы в никуда, послал на курсы.

И все сбылось, как он задумал.

Однажды, взглянув на Юлю, заявляет:

— Ты знаешь, у нее все данные для балета. Пусть попробует в Вагановское поступить.

Настолько невероятной казалась мне его идея, что полгода я надеялась, что он забудет о ней.

Но идея сбылась. Пройдя три тура экзаменов, Юля поступила с первого захода. Похоже, ей нравится.

Получается, Юфим устраивает нашу судьбу, и я уже не протестую, не принимаю в штыки его предложения, а минуту подумав, соглашаюсь.

— Погоди, — говорит, — мы еще увидим Юлю на большой сцене.

— Да ты что! Когда еще будет? — сомневаюсь. — Много лет учиться и учиться.

В июне Юля танцевала в Мариинском театре в балете «Волшебный орех» Михаила Шехаякина.

— Не боишься сцены? — спрашиваю у нее.

— Нет, мама, это же — счастье!

ТУБЕРКУЛЕЗ

Звонят из академии, где учится Юля: «Срочно забирайте ребенка, у него контакт по туберкулезу».

Ничего не понимая, мчусь за ней. Оказалось: в квартире, где она прописана, у отца обнаружена открытая форма туберкулеза. Поэтому нужно идти в тубдиспансер и делать обследование ребенка. Не знаю, где уж подхватил. Да в наше время и немудрено.

Не оставляют его несчастья, чередой тянутся в открытые ворота.

Чем можешь?

Слава Богу, ребенок здоров. С ужасом думаю: что было бы, останься мы там? Знаю не пона-

слышке, что детей от больных родителей изолируют, забирая в специальные школы, называемые санаториями, по сути в детские дома.

В тубдиспансере объяснила, что мы не живем по месту прописки. Врач пугает:

— Что хотите делайте, но ребенку категорически нельзя подходить к больному, встречаться с отцом, при малейшем контакте тут же заболит.

Якобы слишком чистый организм, судя по реакции Манту, не сталкивался ни с какой инфекцией.

Соседка приносит распечатанную страничку из законодательного сборника «О борьбе с туберкулезом», где белым по черному продекларировано: больным туберкулезом предоставляют отдельную комнату. Особенно опасен контакт для детей до 14 лет.

И подает еще одну страничку — о больных с психическими диагнозами, которые также имеют какие-то права.

Иду к депутату в администрацию, объясняю: мол, нестандартная ситуация, больной человек живет один в двухкомнатной квартире, а дети с матерью снимают жилье, за которое плата — вся зарплата, двести долларов, не считая коммунальных расходов. Спрашиваю: имеет ли право такой больной хотя бы на комнату, чтобы разменять квартиру.

Депутат уверенно:

— Имеет: несите справки.

Но не тут-то было. Спрашиваю пугающего недавно врача:

— А вы можете в письменном виде сказать то, что говорили мне на приеме с дочерью?

— Нет, не имею права.

Ни психдиспансер, ни тубдиспансер справок не дают, стоят как партизаны на страже врачебных тайн. В итоге получаю от администрации отписку: такой-то гражданин нигде больным не числится, жильем обеспечен, ни в чем не нуждается, ни для кого не опасен, так как врачам признался, что живет один.

Возвращаюсь к депутату сообщить о результатах похода по инстанциям, стучу рукой по бетонной стене:

— Вот что вы, власть, собой представляете. Разве я могу пробить ее своим лбом?

— Подавайте в суд, — советует депутат, — я вас только поддержу.

— Спасибо вам за моральную поддержку. Вы сделали все, что могли.

Выйдя из кабинета, думаю: судиться не умею, не знаю, как это делается, и для этого нужны деньги, и придётся беспокоить Володю, не понимающего жизненной ситуации несчастного больного человека. Чувствую: нет ни сил, ни желания воевать, потому что в туберкулезной больнице главврач заявляет:

— Что вы хотите! Вся страна так живет, с больными в семьях. А о детях государство заботится, забирает их от родителей в детские санатории, где обеспечивает им бесплатное питание и обучение.

Ах! Спасибо! Как я рада это слышать! Спрашиваю, уже из любознательности:

— А почему же вы не даете сведений в администрацию, что человек болен?

— А может, он через полгода выздоровеет или полость его закроется.

— А где гарантия, что эта полость не откроется в любой момент?

— Никто такой гарантии не дает.

— Значит, у вас преступный сговор с властями — скрывать истинную картину о больных, ожидая, пока заразятся члены семьи. Тогда уже точно не будет никаких проблем, — и, хлопнув дверью, вышла.

Ну что ж, попытку все же сделала — заглянула власти в лицо, грубо говоря, проверила на вшивость, определила силу «закона», декларируемого на бумажке.

Поняла: спасение — дело рук самих утопающих...

И успокоилась: главное — ребенка миновала страшная угроза! Всё пошло бы кувырком: и — прощай, балет, учеба и нормальная жизнь. Вот уж действительно Бог уберег...

ИЗ ОКНА ТРОЛЛЕЙБУСА

Удивительная была елка в прошлом году на Дворцовой площади у Зимнего дворца — из двух близняшек-елей, растущих от одного ствола необъятного диаметра. Наверное, двухсотлетнего возраста, не менее. И в этом году тоже великанша ель, только обычная. Каждый год теперь удается поклониться, пожать зеленую лапу, приветствуя гостью невесту из какого леса.

Еду на троллейбусе №22 с площади Труда мимо гостиницы «Англетер». Какое-то жуткое чувство возникает, особенно после недавнего фильма о Сергее Есенине. Последнее его пристанище...

Светящееся казино. Что там, интересно, по ночам? Может быть, слетается, как у Булгакова, на бал нечистая сила...

А вот и величественное творение Монферрана — Исаакиевский собор, вмещающий в себя до четырех тысяч человек. Подумать только — почти все взрослое население городка Павловска может спрятаться в нем в случае чего... Интересны, словно ребусы, надписи над каждым входом собора: «Храм мой храм молитвы наречется», «Царю царствующих», «Господи, да возвеселится душа твоего царя», «На тебя, Господи, уповаем, да не постыдимся вовеки».

Пытаюсь разгадать вложенный в них смысл. Надо же так выразиться — «да не постыдимся вовеки». Сильно сказано, человеке. То же, помнится, и у Островского о Павке Корчагине, изучаемом в школе: ...чтобы не жег позор, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... Мы, будучи школьниками, не особенно задумываясь над смыслом, зубрили слова клятвы, перекликающиеся с Евангелием: «положи душу за други своя...» Сколько же пройдет лет, пока спохватишься и вспомнишь о них, и свершишь жизнь свою: так ли жил? Не стыдно ли? Вот и я задумалась сейчас. Никогда не бывает поздно — задуматься. И как же велика роль слова! Ведь слова — работают.

«Царю царствующих». Конечно, можно подумать, что речь идет об избранных. Нет, я согласна, что мы — царствующие на этой земле. А царь царствующих, естественно, Господь. Согласна с Борхесом: человек живет в раю, только не догадывается об этом. И еще понравилось у него же: любовь дает человеку всё, только он не знает об этом.

На верхнем ярусе собора стоят исполины-ангелы — более двух десятков. На фоне подвеченного неба скульптуры черны, некоторые из них с копьями в руках, а крылья похожи на воинские щиты. Вот почему у них воинственный вид. А среди белого дня светло-зеленые фигуры кажутся меньше ростом и не производят такого впечатления.

Бутики, салоны, рестораны, клубы... Улица Малая Морская, 13. На доме рядом две таблички: здесь жили Петр Ильич Чайковский и маршал Василий Константинович Блюхер. Композитор и воин — как непохожи их судьбы. Один — профессионал в мире музыки, другой — выдающийся специалист в области военного дела. Что оставил после себя один? Табличку и биографию полковника. А другой — океан мелодий, вальсов, вдохновения, счастья. Каждый служил своему богу.

Строгановский дворец, дом Мертенса, напротив дом Зингера. Наверху — чудо! — прозрачный стеклянный купол, что изображает земной шар, наполнен светом и покоится на огромных руках, причем самих человеческих фигур-скульптур в темноте не видно: только шар и руки — этаким символом. Часто жалею, что не умею рисовать!

«Объятия Казанского собора». У многих в стихах нахожу именно такой образ детища Воронихина. Почему-то не тянет в эти «объятия», особенно если припомнить реквизиты инквизиторов: сильны ранние впечатления от знакомства с музеем истории религии и атеизма.

И все же волшебен город, красив Невский с подсветкой зданий, с гирляндами огней, развешенных на ветвях деревьев, с пешеходными уголками. Особенно уютен Екатерининский скверик, а за ним и за Александринкой, на улице Росси, учится моя девочка.

Конечно же, в последние годы хорошеет облик города, и это не может не радовать. Каждый раз, приезжая сюда из Павловска, выходя из метро на станции «Гостиный двор», мысленно здороваюсь:

«Привет, Санкт-Петербург».

НАСТРОЕНИЕ

В очередной понедельник еду по делам в издательство на площадь Труда. В пятом троллейбусе встречает пожилой кондуктор, округлой выющейся седой бородкой похожий на Деда Мороза. Не пересчитывая, он берет мелочь из рук вошедших и отрывает билетки. У него детские светло-голубые глаза и ясный доверяющий взгляд. Люблю смотреть в такие глаза. Любуешься и думаешь: какой добрый покой у него на душе. Как уж он умудрился сохранить такое сокро-

вище на протяжении долгой жизни, да еще во всякое нервно-стервное время? В какой-то брахманской книжке мелькнуло: покой — это драгоценное ожерелье, которое мы потеряли, ищем, а оно оказывается у нас на шее. Что-то в этом, несомненно, есть. Помню, по прочтении написалось:

*О, Господи, я чувствую тепло
и вижу свет закрытыми глазами.
Ужель сниму заношенную плоть
и птахой растворюсь под небесами?..
И может, вновь у мамы и отца
на свет явлюсь над тихой рекою...*

Привлекательная теория...

На обратном пути в Павловск сажусь в вагон электрички к трем юным девчушкам. Одна из них склоняется поочередно над ладошками и гадает, как хиромантка:

— До пятнадцати лет у тебя была трагичная любовь. Так?

— Да, — соглашается подружка.

— Ты всегда поступаешь по уму, а не по чувствам. До двадцати пяти лет ты будешь долго мучаться, определяться и только после двадцати пяти выберешь одного человека...

— А вот мне нагадала, что я всегда поступаю по чувствам, а не по разуму, — хвастливо делится легкомысленная соседка. — И только к тридцати пяти годам определюсь. Так и есть, сначала поступаю, а потом — думаю...

Протянув руку к гадалке, прошу:

— Интересно, а что у меня там видно, когда уже всё позади и всё известно?

Взглянув с удивлением, но убедившись в серьезности просьбы, девчушка берет мою ладонь, сложив ее узкой лодочкой, внимательно вглядывается в складочки и произносит:

— Вы много лет жили с одним человеком, а потом расстались. И теперь у вас другая жизнь, с другим человеком...

— Так и есть, истинная правда, — говорю засиравшей от похвалы «прорицательнице».

Девчушки выпорхнули на платформу Царского Села, а в моей душе надолго запечатлелось светившееся восторгом юное личико гадалки. Так вот и рождается чудесное настроение.

АВТОШКОЛА

Сын живет с нами. Юфим замечательно к нему относится. Устроил в автошколу, заявив мне:

— Давай и ты учишь водить машину, пригодится. Хочу, чтобы ты уверенно чувствовала себя в жизни, когда меня не будет.

Все время грозит помереть!

Минуту думаю и соглашаюсь. Поскольку решила слушаться Юфима... Ладно, учимся. Если сказать, что я боюсь садиться за руль, — значит, ничего не сказать. Казалось: никогда не смогу выехать на трассу, где ездят огромные грузовики-бомбовозы. Ощущаю себя маленькой трусливой божьей коровкой. У меня панический страх перед ними. Сажусь с инструктором, еду на учебную площадку. После первого занятия Павел Иванович заявляет:

— По площадке умеешь ездить. В следующий раз поедешь по городу.

— Боюсь, — говорю.

— Ничего, все бояться.

Что вы думаете, поехала.

От волнения зачастую забываю, на какой скорости еду. На рычаг переключателя коробки передач смотреть запрещает. Часто спрашиваю инструктора:

— Не знаете, на какой передаче я сейчас еду?

— На третьей, — смеется тот, — запоминать надо! Смотри на обороты двигателя.

...Все-таки рано села я за руль своей машины. И совершила наезд на дерево.

А дело было так. Еду с Юфимом и Юлей по городу и, заворачивая на узкую одностороннюю улицу, вместо тормоза жму на газ и вижу перед собой припаркованную под липками машину. Боясь, что не выверну и задену ее, кручу руль влево и, перемахнув через поребрик, врезаюсь в липу на противоположной стороне. Листва с дерева от сотрясения осыпалась, как снег, укрыв зеленым ковриком капот машины. Юфим выскакивает из машины и, глядя на разбитый передок, начинает перед ней прыгать и кричать:

— Ты выйди, посмотри, что с машиной сделала!

Не рискуя выходить из машины, молча перелезаю с водительского сиденья на боковое и

обреченно жду, что будет. Гляжу: все окна соседнего дома облеплены любопытствующими лицами. Да... устроили мы им театр посреди улицы со скачущим вокруг машины Юфимом.

Напрыгавшись, тот садится за руль. Как ни странно, машина едет, шурша колесом о покореженное крыло.

Подъезжаем к дому. Выйдя из машины, быстро улетаю.

Открываю дверь, гляжу — на кухне сын с друзьями.

— Саша, — говорю, — я разбила машину. Юфим меня убьет.

— А вы садитесь рядом с нами, — предлагают Даниил с Олей. — При нас он, может, не тронет.

И вот немая сцена: мы сидим за столом. Входит Юфим и, быстрыми шагами пройдя на кухню, бросается передо мной на колени со словами:

— Тонечка, прости, что я так сильно ругал тебя! Главное, все живы и здоровы, а машину починим...

Машина, беденькая, пострадала здорово: разбиты бампер, левая фара, помято крылышко, покорёжен капот. Ремонтировал ее наш друг Вачаган Робертович — мастер «золотые руки». В общем, всё, слава Богу, обошлось.

Липа тоже в порядке. Поврежденную кору я наутро закрасила белой краской, наведя место протруления на велосипеде.

Через пару дней проезжаю мимо памятного места с инструктором, ощущая вину перед раненым деревом: «Прости, липочка».

Павел Иванович смеется:

— Только никому не рассказывай об этом, пока не сдашь экзамены.

Этот случай не прошел даром. Конечно, я стала намного внимательней, аккуратней ездить.

Знакомая Татьяна с шоферским опытом делится, как сдавала экзамен по вождению:

— Сажусь в машину с незаглушенным, но тихо-тихо работающим двигателем, рядом с инспектором ГАИ, и пытаюсь повернуть ключ зажигания, завести. Тот спрашивает: «А вы знаете, как определить: заведена машина или нет?» И тут же советует: «Надо выйти и приложить ухо к выхлопной трубе».

Татьяна догадалась, что он шутит, поехала. Вождение сдала.

Я же сдала «Правила» — с первого, а вождение — с третьего захода, из-за страха: боюсь инспектора ГАИ, принимающего экзамен. Павел Иванович ругается:

— Да ты в группе лучше всех ездила! Почему не сдала?

— Потому что вас я не боюсь. А инспектора в форме боюсь, руки-ноги трясутся, черт-те что вытворяю в машине. Вместо первой передачи в «девятке» врубила заднюю...

Сейчас езжу спокойно, с удовольствием, пока не вижу инспектора в форме. Но не только у меня, оказывается, подобный рефлекс...

ИВА

В самые счастливые дни и моменты жизни возникает ощущение хрупкости бытия и счастья. Всё может рухнуть от какого-нибудь происшествия. Страшно потерять друг друга.

Напротив наших окон видны две старые ивы с круглой кроной, точь-в-точь как гигантские отростки цветной капусты. Одна ива подсыхает, а другая очень хороша. Они стоят друг за дружкой и из окна кажутся одним пышным деревом. Им около двухсот лет. Сдвоенный купол похож на огромный парашют, цвет которого зависит от времени года, меняясь от бархатно-зеленого в середине лета до светло-желтого ранней и светло-коричневого поздней осенью.

В тяжелые дни, когда бывает с Юфимом размовка (а, как правило, она бывает после известных возлияний в компании), я встаю ночью и подолгу смотрю в окно. Ива кажется мне собеседницей, молчаливой соучастницей, свидетельницей моего душевного состояния. Наверное, это сидит глубоко во мне — потребность поплакаться кому-то.

МОЁ НАЧАЛО

В детстве я любила «уносить» беды свои на речку. Приезжая на родину взрослой, сяду, бывало, на высоком берегу и как замороженная подолгу смотрю на течение. На пару километров взору открывается широкий простор, пихтовый лес, откуда отец приносил

новогоднюю елочку; заречные пожни, в половодье до самого леса скрытые водой; но слышит вода — и откроются они взору, умытые, с чистой зеленой травой, где мы так любили играть, укоротив подола платиц и изображая балерин... «Мое начало — от этой речки, от огорода, от дома, печки, от этой баньки, ковша, кадушки — здесь мама мыла меня, девушку...» В теплое время года, спустившись к реке, умываюсь и, усевшись на мостки, болтаю, как в детстве, в воде ногами. «И не с этого ль склона ватагой, гурьбою мы летели к воде, от восторга крича? Ликовала река и влекла за собою, и ловила наш смех в предзакатных лучах...»

*Каменистый берег у неё, таежной,
из жердинок елей мостик новый сложен.
Побреду по речке, по песчаным гребням,
поищу местечко, искупаться где б нам.
В родниках-быстринках золотится донце:
каждая песчинка отливает солнцем.
Вот знакомый камень. Наклонюсь к водице
и хочу, как маме, речке помолиться:
«Ты возьми печали, реченька-светлица,
унеси далёко, во море глубоко...»*

Вода действительно уносит печали, и я забываю о своем возрасте.

Но и в городе река со мной:

*Полощу белье, склоняясь к ванне,
и воды прохладное дыханье
мне напомнит свежесть речки Ёрги,
умывавшей в детстве нас от слёз.
И тогда представить мне несложно
за рекою заливные пожни
и на правом берегу высоком —
ришелье от ласточкиных гнезд...*

Вообще, роль реки в моей жизни велика, много стихов посвящено ей. А еще солнцу, сосне, рядом с которой выросла. Это вроде святынь для меня. Для меня природа, как и душа, — храм, в котором молюсь. Сказал же Иисус: «Пусть душа твоя будет храмом». Мне нравится понимать их буквально.

БУДЬ СЧАСТЛИВА, РЕЧКА!

С высокого берега, на котором стоит отчий дом, видно, как из-за северной кромки леса выскакивает на равнинную местность речушка. Потеряв высокий берег, начинает петлять, метаться из стороны в сторону в поисках его. Возвращается назад, совершая виражи, извивы, пока не прилепляется к могучему, крутому угору с рассевшимися на нем домишками. Уставшая в поисках, а теперь успокоенная, она на протяжении километровой пути будет ему верной спутницей.

Но вот берег, незаметно убывая в росте, становится пологим, холмистым, зарастает травой и снова пропадает. Речка не сразу хватилась его. Где же он? Куда исчез? Бедная, она в панике бросается в лес, но не находит его там. Вернувшись, ищет его то в одной, то в другой стороне, кружит вокруг себя, в отчаянии совершая безрассудные километровые петли в противоположной от русла стороне — на севере, где высокого берега никогда не было. Наконец, измученная поисками, она слепо, бессознательно упирается в выросший как из-под земли высокий крутой склон и, не веря глазам, счастливая, бросается в его красноглинистые объятия. Умиrotворенная, с достоинством умудренной жизнью женщины продолжает она ровное течение бок о бок со своим берегом.

И так в течение всего пути: теряя, отчаиваясь,

надеясь, ошибаясь, обретая, преодолевает она земное пространство. Доброго пути, речка, и пусть тебе сопутствуют десятки километров счастья!

*Не соблазнюсь землей чуждой,
чужою славой-позолотой
и куликом в тайге большой
пою-хваляю свое болото.
Хоть вижу: на болоте том
давно обобрана морошка,
ни клюквинки на дне пустом,
одна лишь песенка в лукошке.
Пусть нехорош и харч, и кров,
и вереск голову дурманит...
Я знаю: к родине любовь
сердечко птахи так же ранит...*

Наверное, это выглядит хвастовством, но я счастлива. Нравится ощущать вкус жизни. На этой ноте и завершаю повесть. Не задумываюсь: что будет завтра... Просто надеюсь...

Санкт-Петербург — Павловск, 2006

□

Антонина Александровна КАРИМОВА (АНАНЬИНА)

родилась на Вологодчине.

Поэт, прозаик.

Публикуется с 1979 года.

В 2002 году вышел сборник стихов «И належке, и с ношено»;

в 2005-м — книга прозы «Ну и семейка».

Лауреат премии им. Н. В. Гоголя (2007 г.).

Живет в Павловске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

